

Международная Ассоциация РУССКАЯ КУЛЬТУРА
Санкт-Петербургское отделение
Российского института культурологии
Кафедра ЮНЕСКО по компаративным исследованиям
духовных традиций, специфики их культур
и межрелигиозного диалога
Московское бюро ЮНЕСКО

Крепостное право и его отмена

История
и современность

*Материалы семинара, проведенного
в Санкт-Петербурге 17 декабря 2004 г.
в рамках Международного года,
посвященного решением Генеральной Ассамблеи ООН
борьбе против рабства и его отмене,
а также проекта ЮНЕСКО «Невольничьи пути»*

Санкт-Петербург
2005

УДК 94(100)(063)
ББК 63.3(0)-28
К79

Издание осуществлено при поддержке Московского бюро ЮНЕСКО

Редакционно-издательская коллегия:

Д. Л. Спивак (*председатель*), А. В. Венкова (*ученый секретарь*),
Е. В. Елагина, Д. А. Ивашинцов, Е. В. Луняев, А. М. Мелихов, А. Ю. Тимашков

Крепостное право и его отмена: История и современность. — СПб.: ФКИЦ
К79 «ЭЙДОС», 2005. — 164 с.

ISBN 5-88607-028-1

В брошюре представлены материалы семинара «Крепостное право и его отмена: История и современность», проведенного в Санкт-Петербурге 17 декабря 2004 г. в рамках Международного года, посвященного решением Генеральной Ассамблеи ООН борьбе против рабства и его отмене, а также проекта ЮНЕСКО «Невольничьи пути», при участии ведущих деятелей науки, культуры и просвещения.

Данное двуязычное, русско-английское издание предназначено для широкого круга читателей.

Идеи и мнения, выраженные в данном издании, принадлежат отдельным авторам и не обязательно представляют точку зрения ЮНЕСКО

Московское бюро ЮНЕСКО
по Азербайджану, Армении,
Беларуси, Грузии,
Республике Молдова
и Российской Федерации

Россия, 119034 Москва,
Б. Левшинский пер., 15/28, стр. 2
Тел.: (095) 202-80-97; 202-87-59; 202 -81-66
Факс: (095) 202-05-68
moscow@unesco.ru; www.unesco.ru

Международная Ассоциация
РУССКАЯ КУЛЬТУРА
iarc@pochtamt.ru
www.ruskyformat.ru

Санкт-Петербургское отделение
Российского института
культурологии
spbpic@mail.ru

Издание осуществлено при участии издательства «Алетейя» (СПб.)

E-mail: aletheia@rol.ru; www.orthodoxia.org//aletheia

Подписано в печать 21.06.2005. Формат 70×100^{1/16}. Усл.-печ. л. 13,3. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 0854. Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «Ренеме», 192007, СПб., наб. Обводного канала, д. 40

ISBN 5-88607-028-1

9 785886 070286

© ФКИЦ «ЭЙДОС», 2005
© Московское бюро ЮНЕСКО, 2005

Оглавление

<i>Спивак Д. Л.</i> Вступительное слово*	5
<i>Миронов Б. Н.</i> Крепостное право: рациональный институт или бесспорное зло?	8
<i>Полторак С. Н.</i> Гуманные аспекты российской крепостной системы	11
<i>Гордин Я. А.</i> Крепостное право и сословная политика российского самодержавия	12
<i>Свердлов М. Б.</i> Истоки крепостного права и его отмена*	14
<i>Архимандрит Августин.</i> Второе крепостное право коммунистов	17
<i>Кавторин В. В.</i> Общинное землевладение в системе крепостного права	20
<i>Чебанов С. В.</i> Цикл русской истории: от освобождения крестьян до ухода Ельцина*	23
<i>Семенков В. Е.</i> Крепостное право: право или бесправие?	25
<i>Грякалов А. А.</i> Мифологема крепостничества в современном сознании	26
<i>Окладникова Е. А.</i> Об аксиологии статуса работника сферы сервиса в современной России*	29
<i>Протасенко И. Н.</i> «Невольничьи пути» современной ментальности	34
<i>Травин Д. Я.</i> Реформа крепостного права и глобальный экономический сдвиг	37
<i>Щелкин А. Г.</i> Феномен русского патернализма	40
<i>Чернуха В. Г.</i> Безальтернативность как базовое свойство русского крепостничества	42
<i>Махлина С. Т.</i> Крепостное право и современная художественная культура в России*	44
<i>Мелихов А. М.</i> Хижина дяди Антона*	49
<i>Секацкий А. К.</i> Крепостное право в истории «чрезвычайной государственности» России	52
<i>Анненкова Е. И.</i> Крепостное право и русская литература	57

Заключительные реплики

<i>Гордин Я. А.</i> Плоды «неплодотворной несвободы»	59
<i>Лурые Ф. М.</i> Государственная политика после отмены крепостного права	60
<i>Летягин Л. Н.</i> Явление: фрагменты политической и художественной хроники* ...	62
<i>Соболь В. А.</i> Рабство и барство: друзья или антиподы?	67
<i>Черва В. Е.</i> Понятие «свобода» в жизни русского крестьянства	69
<i>Кавторин В. В.</i> Российские реформы вчера и сегодня	73

* Авторские заглавия отмечены в тексте настоящего Оглавления астериском. Заглавия, не помеченные этим знаком, введены редакцией.

<i>Чебанов С. В.</i> Крепостное право: история или фантом?	74
<i>Свердлов М. Б.</i> История крепостного права между историческим материализмом и идеологией	74
<i>Спивак Д. Л.</i> Заключительное слово*	76
Приложение 1. Радиосериал «Крепостное право и его отмена: история и современность»	77
Приложение 2. Базовая информация о проекте ЮНЕСКО «Невольничьи пути» (1994–2004)	80
Базовая библиография	84

*Д. Л. Спивак,
доктор филологических наук,
директор Санкт-Петербургского
отделения Российского
института культурологии (РИК)*

Вступительное слово

Отмена крепостного права, провозглашенная царским манифестом от 19 февраля 1861 года, была хорошо подготовленным и ожидавшимся обществом, и все же массивным, тектоническим сдвигом, перевернувшим ход жизни на огромных пространствах северной Евразии. Господствующий класс добровольно пошел на весьма значительные уступки, избежав, таким образом, катастрофического развития событий «по американскому сценарию» (не следует забывать, что Гражданская война в США развивалась примерно в то же время, что и шаги по отмене крепостного права в Российской империи).

Программа, так счастливо инициированная Александром II и его ближайшими сотрудниками, открыв путь к ускоренному развитию новых, капиталистических отношений — так же, как это произошло и в Америке, — привела в то же время к череде событий, многие из которых воспринимались обществом как запоздалые, а нередко и болезненные. Достаточным будет напомнить о том, что т. н. «выкупные платежи» взимались с крестьян с большей или меньшей суровостью практически до волнений 1905 г. Что же касалось психологической травмы, то она проявляла тенденцию к нарастанию вплоть до указанного времени — а впрочем, и после него. Люди, начавшие великую русскую революцию 1917 г. и приложившие все силы для ее распространения в планетарном масштабе, были в массе своей детьми и внуками тех крестьян, которые получили свободу немногим более полувека прежде того.

Не будет ошибкой напомнить и о том, что с позиции сегодняшнего дня масштабная коллективизация, проведенная в СССР в конце 1920-х — начале 1930-х гг., видится некоторым исследователям как второе, слегка подновленное издание давнего

Александр II (1818–1881)

российского крепостничества — по крайней мере, с точки зрения массовой психологии такая позиция проявляет известный эвристический потенциал.

Российское крепостное право не было, разумеется, разновидностью ни того рабства, которое было положено в фундамент великих империй античного мира, ни того рабства, что опустошило многие местности черной Африки в Новое время. Вместе с тем мысленное соотнесение его основных черт с механизмом классического рабства было отнюдь не чуждо современникам «великих реформ» Александра II. С позиции наших дней оно видится полноценной составляющей того впечатляющего процесса, начало которому было положено разыгравшимся в Новом свете событиям двухсотлетней давности. Мы говорим о восстаниях, положивших начало первому государству бывших рабов — Гаити. За-

вершается же этот процесс практически на наших глазах в виде составившего эпоху в истории человечества распада колониальной системы и утверждения нового типа международных отношений.

Притом, что общий ход событий представляется в принципиальных чертах объяснимым и понятным, существует целый ряд проблем, отнюдь не утративших актуальность для современности, которые могут и должны быть предметом профессионального обсуждения и общественного внимания.

В какой мере отмена крепостного права в России была прагматическим шагом, а в какой — «реформой идеалистов»?

Если определяющее влияние на ход событий оказали факторы, принадлежащие первой из этих позиций, то насколько верно было выбрано время и средства для ее проведения в жизнь (и, соответственно, были правы с позиции современности «манчестерцы» того времени или «плантаторы»)?

Если же нам ближе вторая из обозначенных позиций, разумным было бы обсудить, какую роль в ее утверждении сыграла классическая русская литература и публицистика?

Какое место в интеллектуальных дискуссиях и социально-экономических процессах современного, стремительно глобализирующегося мира занимает российский опыт отмены крепостного права — и может ли Международный год, посвященный решением Генеральной Ассамблеи ООН борьбе против рабства и его отмене, а также материалы смежного по содержанию, инициированного ЮНЕСКО еще в 1993 г. проекта «Невольничьи пути» помочь российскому обществу в выборе верной стратегии дальнейшего развития посткоммунистического, но все еще находящегося в кризисном состоянии общества?

Решение этих проблем требует участия широкой общественности — от историков и обществоведов до писателей и публицистов. Семинар, посвященный их углубленному рассмотрению, представляется своевременным и целесообразным. Напомним, что он проводится на базе кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога при Санкт-Петербургском отделении Российского института культурологии, при организационном содействии Международной ассоциации РУССКАЯ КУЛЬТУРА, Комитета по внешним связям и туризму Санкт-Петербурга, при методической и финансовой поддержке Московского бюро ЮНЕСКО, а также РФФИ (грант 03-06-80217).

*Б. Н. Миронов,
доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского
института истории РАН,
профессор Европейского университета
в Санкт-Петербурге*

Крепостное право: рациональный институт или бесспорное зло?

Крепостное право с современной точки зрения так же, как и рабство, бесспорное зло. Большинство историков, публицистов, поэтов и писателей, говоря о крепостном праве, прежде всего подчеркивают ту очевидную вещь, что это анахронизм, это явление, которое препятствует нормальному развитию общества, и т. д. Я как историк, конечно, с этим согласен, но в таком подходе, на мой взгляд, есть определенный презентизм, поскольку вне поля зрения остаются многие существенные моменты, без учета которых невозможно адекватно оценить сам этот институт: почему он возник, почему он так долго существовал и почему вплоть до настоящего времени не исчезли его пережитки. В связи с этим мне хотелось бы остановиться на некоторых важных аспектах данной проблемы.

Во-первых, я хотел бы обратить внимание на то, что крепостное право для своего времени было рациональным институтом, эффективным ответом России на вызов трудных обстоятельств. Оно использовалось государством как вынужденное средство для решения насущных государственных и общественных проблем.

Происхождение крепостного права в советское время объяснялось хищническими интересами правящего класса, но на самом деле крепостное право в историческом российском контексте в целом возникло как несомненно рациональный институт, поскольку ни один долго существующий институт с социологической точки зрения не может быть нерациональным и неэффективным. Сам факт существования крепостного права в России в течение двухсот лет (в других странах, как известно, этот период длился еще дольше) говорит о том, что оно выполняло жизненно важ-

ные государственные и общественные функции. Это первое, на что мы должны обратить внимание.

Во-вторых, когда говорят о крепостном праве в России, имеют в виду, прежде всего, помещиков и крестьян, но на самом деле на рубеже XVII и XVIII вв. в начале Петровских реформ было закрепощено все население страны: и дворянство, и духовенство, и крестьяне всех рангов, которых, как вы знаете, было несколько (церковные, государственные, помещичьи и др.). Дворянство, долгое время представлявшееся господствующим слоем и, действительно, бывшее доминирующим сословием, тоже было закрепощено. Это очень важный аспект: крепостничество охватывало всю страну, все слои населения. И может быть, только патриарх и великий государь не были крепостными, все остальные же в той или иной мере ими были.

В-третьих, крепостное право существовало в России на трех уровнях: частное крепостничество (субъект крепостнических отношений — помещик), государственное крепостное право (субъект — государство) и общинный уровень крепостнических отношений (субъект — община). Община имела над личностью крестьянина и посадского человека периода империи (конец XVIII — начало XX в.) даже большую власть, чем государство и помещики. Если в отношении помещика и государства при известной смелости были возможны противоправные действия (можно было обмануть, убежать, саботировать), то в отношении общины это было совершенно исключено: обмануть тех людей, с которыми человек жил, не представлялось возможным.

Крестьянин не мог уйти из общины, не мог заниматься отходничеством, какими-либо промыслами без согласия общины, поскольку был связан с ней круговой порукой. В пределах общины существовал принудительный севооборот и общинные формы собственности. Административные права общины и общинного схода были весьма велики, и поэтому крестьянин — и эта вещь представляется мне особенно важной — был закрепощен еще и на этом уровне. Он был закрепощен трижды — общиной, государством и помещиком.

Когда отменялось крепостное право, сначала отменялось частновладельческое право, потом государственное и только потом, в последнюю очередь, общинное. В этом ряду рассуждений столыпинская реформа представляет собой отмену второго крепостного права — общинного. Таким образом, всерьез говорить об отмене крепостного права можно только, исходя из условий освобождения человека на всех трех уровнях его закрепощения.

Стоит обратить внимание на еще один важный аспект проблемы. Крепостное право — это проявление авторитарной парадигмы, авторитарного менталитета, авторитарного сознания. И в этом сознании господин, барин, патрон, отец — это именно те рамки, в которые укладывалось мировоззрение человека того времени и система его рассуждений. Сами крепостнические отношения были только частью этой общей парадигмы, включавшей и абсолютизм. Поскольку это была глобальная парадигма, то она могла существовать еще весьма долго, несмотря на утраты некоторых частных сторон. Мне представляется, что в России авторитарная парадигма до сих пор не изжита и мы до сих пор постоянно сталкиваемся с её проявлениями.

Еще один важный момент. С моей точки зрения, реформы в России всегда происходили с опережением желаний и потребностей широких масс. Крепостное право было отменено, потому что верховная власть и образованное общество посчитали

невозможным сохранять существующий порядок вещей, но с чисто экономической точки зрения оно не было исчерпано до конца — об этом писал в своем известном труде о крепостном хозяйствовании П. Б. Струве. Верховная власть отменила крепостное право только ради будущего, оно вполне еще могло существовать. В советской литературе всегда писалось о том, что крепостное право убыточно и экономически неэффективно, что не вполне отвечало исторической реальности. Только треть помещиков были согласны с отменой крепостного права, а две трети этому противились, в том числе потому, что оно было для них экономически эффективно.

Известно, что во времена крепостного права существовали две формы экономических отношений между помещиком и крепостным крестьянином: барщина и оброк. Барщина давала помещикам дивидендов почти в два раза больше, чем оброк. Между тем мы хорошо знаем, что в барщинных имениях крепостной режим был намного суровее и наказания крестьян случались намного чаще, чем в оброчных. Возникает парадокс: мы привыкли думать, что чем больше свободы у крестьянина, тем он лучше и эффективнее работает, но факты говорят об обратном. Барщинные крестьяне работали намного больше, чем оброчные. В барщинных имениях была выше урожайность и выше общая эффективность производства.

Отсюда не следует, что принуждение всегда эффективно и полезно, я далек от таких прямолинейных выводов. Но дело в том, что крестьянство стремилось лишь к удовлетворению физиологических потребностей. Крестьянин видел цель жизни не в богатстве и не в славе, а в спасении души, в простом следовании традиции, в воспроизводстве сложившихся форм жизни. Для того чтобы крестьянин мог больше производить, эффективнее и больше работать, государственная власть вынуждена была его заставлять, иначе крестьянин просто прекращал работать.

Работы известных экономистов второй половины XIX — начала XX в. говорят о том, что крестьянин работал до удовлетворения своих небольших исконных потребностей, а потом — соха (или плуг) в землю. Он останавливал работу и не предпринимал попыток наращивания хозяйства, как это обычно делает буржуа, стремясь к максимальной прибыли. В такой ситуации, при таком менталитете, при такой хозяйственной этике крепостное право было одним из способов решения экономических проблем.

М. Свердлов:

Что такое крепостничество, как вы его определяете?

Б. М.:

Крепостнические отношения я понимаю как неэкономическую зависимость одного человека от другого. Такие отношения, в которых есть один господин, субъект, и другой, выступающий в качестве объекта. Отношения между ними основаны не на экономической целесообразности, а на внеэкономической зависимости. Это самое существенное, что есть в крепостном праве, с моей точки зрения.

*С. Н. Полторак,
доктор исторических наук, профессор,
главный редактор журналов «Клио» и
«История Петербурга»*

Гуманные аспекты российской крепостной системы

Мне хотелось бы выступить как историку, который уже не один год занимается исторической психологией. Боюсь, что могу оказаться в меньшинстве, выступив едва ли не защитником крепостничества.

Хотелось бы напомнить, что период крепостничества обладал всем набором составляющих нашей жизни, в том числе и гуманной составляющей. Я имею в виду взаимоотношения между крестьянами и теми, кому они принадлежали, и могу проиллюстрировать это некоторыми примерами.

Во-первых, процесс отмены крепостного права не был одномоментным событием, этот процесс растянулся лет на десять—тринадцать, и только к 1873 г. остатки крепостничества были формально ликвидированы в отдельных регионах страны. Мне хотелось бы напомнить, что в первые моменты отмены крепостного права в ряде регионов страны наблюдались, как это ни странно, крестьянские волнения. Отчего? Думаю, главным мотивом было паническое состояние части крестьянства в тот момент. Помещик был для них не только человеком, который отнимает у них если не все, то многое, но это был еще и человек, который о них заботится. Простите за жесткий оборот речи, но, возможно, многие помещики относились к своим крестьянам как к самым дорогим животным в хозяйстве, к которым они проявляли и заботу. И эта забота длилась десятилетиями и столетиями, невольно перерастая не только в традицию, но и в способ жизни.

Многие крестьяне были беспомощны с социальной точки зрения, они не могли себя защитить, не могли отстаивать свои права, они вообще ничего не могли без своего помещика. Поэтому отмена крепостного права многим казалась катастрофой. Но был еще один момент — общечеловеческий. Есть данные о том, что очень часто между крестьянами и их господами устанавливались удивительно теплые, можно сказать, дружеские отношения, разумеется, с учетом той социальной субординации, которая не могла не существовать. Привожу только один пример. На Украине, примерно в 60 км от бывшего города Елизаветграда (ныне Кировоград) в селе Каменка со второй половины XVIII в. находилась графская усадьба семейства Стенбок-Фермеров.

Предлагаю вашему вниманию две сюжетные линии, связанные с этой семьей. Когда в 1915 г. скончался управляющий имения, ему был установлен замечательный надгробный памятник из черного гранита, как это ни странно, сохранившийся до сих пор. Возможно, это может показаться всего лишь небольшим жестом, но я знаю еще один случай: бедная селянка полюбила богатого молодого человека и, оказавшись беременной, не смогла выйти за него замуж по известным причинам. По указанию господ ей подыскали жениха, которому дали за невесту богатое приданое, ее судьба была устроена. Таких примеров гуманизма можно привести очень много.

Когда мы читаем дореволюционные издания, в частности Г. А. Джаншиева, переиздававшегося много раз, то находим в них в качестве эпитафии строчки Кольцова: «Чем ночь темней, тем звезды ярче», в которых поэт иносказательно говорит о светлых людях, благодаря которым была проведена реформа. Мне кажется, необходимо вспомнить и тех людей, которые в некотором роде были символом крепостничества и в то же самое время были людьми весьма достойными, несущими человеколюбие и гуманизм.

*Я. А. Гордин,
историк, член Союза писателей
Санкт-Петербурга*

Крепостное право и сословная политика российского самодержавия

Наш разговор пошел с самого начала в несколько необычном ключе: мы объясняем друг другу, каким благом являлось крепостное право. Позволю себе с этим не согласиться. Во-первых, что касается тезиса коллеги Б. Миронова о рациональности института крепостного права, то мне кажется, что не все, что рационально, в конечном счете оказывается плодотворным и полезным.

Теперь, что касается трогательности тех отношений, о которых говорил коллега С. Полторак. Есть некая историческая данность, с которой необходимо считаться. Мы знаем, во-первых, ситуацию пугачевщины, когда ожесточение было чудовищным,

и помещиков, попадавших в руки «любимых» ими и «любящих» их крестьян, вместе с женами и детьми убивали, можно сказать, тотально. То же самое наблюдалось во время мятежа военных поселений в 1831 г. На первый взгляд, это проявление других процессов, но нижеследующий пример покажет, что и эти выражения неповиновения властям имели прямое отношение к обсуждаемой сегодня проблеме. Очевидец тех событий оставил замечательное свидетельство, подтверждающее только что сделанный вывод. Уцелевшему подполковнику один из стариков, лидеров мятежа, поводом к возникновению которого послужила холера, напрямую заявил: «Холера — это для вида, а главное для нас, чтобы вашего дворянского козьего племени не было». В 1970-е гг., готовя материалы для книги, я с большим вниманием и интересом просматривал отчеты министра внутренних дел Д. Н. Блудова за 1830-е гг. Николаю I. Все стандартные правонарушения были им детально структурированы. Довольно часто встречались ограбления церквей, что, казалось бы, для православного народа должно было быть не очень характерно, и убийства помещиков и приказчиков, что имеет непосредственное отношение к теме нашего разговора.

Все помнят, что одним из основополагающих тезисов декабристов, которые, если говорить об их лидерах, были вовсе не романтиками, а людьми, довольно хорошо знавшими ситуацию, являлся тезис о предотвращении будущей пугачевщины. Они сами были помещиками и отлично знали настроения внизу. Такие примеры можно множить.

На самом деле, русское дворянство, если следовать историческим материалам и источникам, постоянно чувствовало себя на вулкане, и не случайно достаточно осведомленный человек А. Х. Бенкендорф в отчете государю за 1829 г., написал такую фразу: «Крепостное право есть пороховой погреб под государством, тем более, что армия состоит из крестьян».

Еще одна существенная вещь. По мнению некоторых достаточно серьезных медиевистов, смутное время было, помимо всего прочего, еще и реакцией на закрепощение. Первые идеи о том, что крепостное право асоциальный и опасный институт, появились еще в XVII в. К примеру, свидетельство француза Невилля о разговоре с В. В. Голицыным (правда, полуапокрифическое), в котором В. В. Голицын излагал свою программу государственных преобразований, включавшую в том числе постепенную отмену крепостного права, а это конец XVII в. В большом конституционном проекте князя Д. В. Голицына 1730 г. изложены попытки ограничения самодержавия и мотивы

А. Архипов. Прачки. 1901

улучшения положения крестьян, то есть намечено явное движение в сторону ослабления крепостного права.

Почему же оно существовало так долго? Думаю, дело здесь не в его экономической целесообразности и не в том, что русский крестьянин был настолько ленив, что ему неинтересно было наращивать хозяйство, по свидетельствам конца XIX в. Как раз равнодушие к своему экономическому состоянию является прямым следствием крепостного права, поскольку в течение двухсот лет люди не владели плодами своего труда. Этот вывод подтверждается словами М. М. Сперанского, еще в 1800-х гг. в своих проектах намечавшего постепенную отмену крепостного права и полагавшего, что именно крепостное право уничтожает всякую энергию в русском народе, а это был человек в высшей степени здравомыслящий. Почему крепостное право так долго держалось? Совсем не потому, что оно было продуктивно и рационально (можно привести много аргументов против этого положения), а потому что чисто политически его отменять было трудно и опасно. И скажем, тотальное закрепощение крестьян при либеральной Екатерине объяснялось ее маневрами в отношениях с дворянством. Чем больше свободы давалось дворянству, тем крестьяне указ за указом превращались почти в плантационных рабов. Так что дело совсем не так весело и благополучно, как может показаться, и мы помним, чем все это закончилось в конце концов.

*М. Б. Свердлов,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского
института истории РАН,
профессор кафедры русской истории
Российского государственного
педагогического университета
им. А. И. Герцена*

Истоки крепостного права и его отмена

Исторические категории крепостное право и рабство использовались и используются в общественно-политической жизни и художественных произведениях в самых разных значениях, включая метафорические. Как метафора они являются синонимом тяжелых форм личной зависимости и отсутствия личной свободы. Более широко, в метафорическом смысле, эти категории стали неокантианским «идеальным ти-

пом», а потому применялись и применяются вне конкретного времени и пространства. Поэтому историки-неокантианцы находили феодализм начиная с Древнего Египта, когда происходил политический распад страны, или капитализм — с античных городов-государств, когда они отмечали товарно-денежные отношения. Использование категорий «крепостное право» и «рабство» имело также значительное эмоциональное воздействие, но при этом существовала опасность деформации исторической действительности и политизации ее интерпретации. Поэтому, по нашему мнению, в научном исследовании следует идти от научных фактов к обобщениям, а не от идей — к интерпретации исторической действительности.

При научном анализе, видимо, есть смысл вернуться к определению этих исторических категорий для корректного изучения постоянно изменяющегося и развивающегося общества, в связи с чем особое значение приобретает характеристика отмены крепостного права.

Рабы — объект вещного права и были включены в процесс материального производства в качестве орудий труда. Ими являлись античные рабы и африканские негры в Америке. Крепостные — ранее свободное сельское население страны, прикрепленное в Средние века к земле или тяглу. Они становились основной рабочей силой в господском хозяйстве, где с них взималась отработочная, натуральная или денежная рента. Это была квазирабская форма зависимости, особенно тогда, когда крепостные крестьяне или слуги продавались без земли.

Рабами на Руси IX–X вв. являлись пленные и лично зависимые восточнославянские холопы. Генетически они продолжали категорию патриархальных рабов. Их продавали в Византии, на мусульманском Востоке и в Центральной Европе. Внутри страны они входили в состав зависимого населения — челяди. В XI–XII вв. холопство сохранило рабские юридические формы. Холопов продавали и покупали, их имущество принадлежало господину. Но холопство развилось в средневековое сословие. Русские люди поступали в него добровольно и выкупались, они могли быть владельцами, но не собственниками орудий производства. Холопство стало особой средневековой формой личной крепости.

Свободные крестьяне жили в составе общин. В XIV–XVI вв. они могли находиться на землях господина, светского или духовного, в качестве старожильцев и новоприходцев, у которых сохранялось право выхода. С установлением Русского централизованного государства при Иване III Судебник 1497 г. ограничил право перехода тяглых крестьян (Юрьев день). С 80-х гг. XVI в. по 20-е гг. XVII в. в условиях острой нехватки рабочих рук в господских хозяйствах начался активный государственный процесс закрепощения разных категорий крестьян посредством указов об урочных годах, со сроком сыска от 5 до 15 лет. В результате восстановления государства после Смуты Судебник 1649 г. создал основы для прикрепления крестьян к земле или тяглу — системы крепостного права. В этих условиях Петр Великий лишь отменил холопство своим указом, тогда как холопы были объединены с крепостными крестьянами в одно сословие крепостных. Промышленность, без которой не могло существовать современное государство, обеспечивалась рабочей силой посредством приписанных к заводам посессионных крестьян, так как в Российской империи из-за системы крепостного права не было рынка рабочей силы. В новое время Российская империя вошла со средневековыми институтами крепостного права, сословного строя

и самодержавной власти императора. Впрочем, на Севере Европейской части России и в Сибири крепостного права не было.

В таких общественно-экономических условиях понадобились усилия всей страны, чтобы благодаря реформам Петра I и Екатерины II укрепить могущество Российской империи. Этим импульсов еще было достаточно для того, чтобы в 1812–1815-х гг. Россия могла сражаться с передовой в экономическом отношении Францией и на равных участвовать в «концерте» передовых западных государств. Но трагизм заключался в том, что в странах Западной Европы XVIII–XIX вв. происходила системная промышленная революция, тогда как экономика России оставалась основанной на средневековой системе крепостного права, которое тормозило развитие современных капиталистических отношений и, как следствие этого, создание современных структур в экономике, обществе и государстве.

Несоответствие экономического строя Российской империи вызовам современности лишь постепенно во второй половине XVIII — первой половине XIX в. способствовало размыванию системы крепостного права. Впрочем, в Священной Римской империи уже во второй половине XVIII в. Мария-Терезия существенно ограничила крепостное право, а Иосиф II его отменил. Екатерининский манифест 1775 г. разрешил отпущенным на свободу крестьянам записываться в сословия мещан и купцов. Указ 1801 г. позволил им покупать землю в собственность. Указ 1803 г. о вольных хлебопашцах способствовал освобождению с землей около 112 тысяч душ мужского пола, тогда как указ 1818 г. разрешил им учреждать фабрики и заводы. Под воздействием экономического фактора появился указ 1842 г. об обязанных крестьянах, которые вступали в договорные отношения с помещиками, а также устав 1848 г. о праве крепостных крестьян покупать земли, дома и другую недвижимость. Во включенных в состав Российской империи Финляндии и Царстве Польском крепостное право не вводилось, а в Прибалтике оно было отменено законами 1816 и 1819 гг.

Система крепостного права в первой половине XIX в. имела следствием сохранение средневекового по происхождению сословного строя, отсутствие рынка рабочей силы, как следствие этого — замедленные темпы создания современной промышленности и средств коммуникаций, что сказалось на состоянии обороноспособности страны. Отсутствие развитых буржуазных отношений привело к созданию мощной неэффективной имперской системы чиновников вместо демократических органов самоуправления. Итогом сохранения системы крепостного строя и ее частичного реформирования стало экономическое, социальное и политическое отставание России от промышленно развитых стран, а как следствие этого — ее поражение в Крымской войне 1853–1856 гг. и подписание позорного для нее Парижского мирного договора.

Необходимость отмены крепостного права все более укреплялась в общественном сознании. Существование особой проблемы крепостного права в России было очевидным уже представителям высшей николаевской администрации, входившим в состав Секретных комитетов. Либерально настроенный граф С. П. Румянцев стал инициатором Указа о вольных хлебопашцах. Сам он освободил на основании этого указа около 200 душ мужского пола. Требовали отмены крепостного права все направления революционного движения, от А. Н. Радищева и декабристов до А. И. Герцена. Русские литераторы от А. С. Пушкина до И. С. Тургенева, воспитывали в общественном мнении осознание необходимости скорейшей отмены того позорного явления, которое они по ассоциации называли «рабством».

*Архимандрит Августин (Д. Е. Никитин),
доцент Санкт-Петербургской
Православной духовной академии*

Второе крепостное право коммунистов

Уважаемые коллеги, в обозначении нашей темы прозвучало слово «современность», поэтому я хотел бы пару слов сказать о XIX в., а потом перейти к современности. Интересно, что и у нас крепостное право было отменено в начале 1860-х гг., и в Америке война Севера и Юга тоже началась в это же время. И может быть, некоторым толчком к ней была отмена нашего крепостного права. Возможно, специалисты рассмотрят это поразительное историческое совпадение — могла ли Россия дать толчок для войны Севера и Юга?

Еще одно замечание о тотальном распространении крепостного права как на крестьян, так и на помещиков. А. С. Пушкин был знаменитым писателем и поэтом, но он же был владельцем душ крепостных. В «Евгении Онегине» со знанием дела он говорил о замене «барщины старинной» «оброком легким», что и сделал его герой-прогрессист Евгений Онегин. В то же время А. С. Пушкин был невыездным, то есть и на него, как и на других дворян и аристократов, распространялась система крепостного права, одним из принципов которого был запрет ездить за границу.

С отменой крепостного права у нас резко увеличилось количество паломников в Святую землю. И к концу XIX в. уже до тысячи наших паломников выезжали в Святую землю за один год. Правительство не препятствовало этим заграничным поездкам. Более того, мусульмане могли выезжать в Мекку. Для них создавались даже специальные условия: из Ташкента шел литерный поезд до Одессы, там их сажали на тот же пароход, что и православных паломников, потом православных высаживали в Хайфе, а мусульман везли до Джидды. Дальше пароход шел в Бомбей, разгружался, загружался и на пути обратно забирал их тем же путем. Вот так правительство содействовало волеизъявлению верующих.

Случались и парадоксальные вещи. Крестьяне могли уходить на отхожие промыслы за границу (обычно на неквалифицированные работы), а, возвращаясь из-за границы, оброк сдавали помещику, скажем, Ярославской губернии валютой, а не русскими рублями, вызывая этим нарекания управляющего.

После 1917 г. в России возникло второе крепостное право — крепостное право большевиков, и выезды за границу прекратились. Что касается крестьян, то для них в ситуации намеренной отсутствию паспортизации начался агроГУЛАГ. Только в 1987 г. вновь появилась возможность выезда за границу по частным делам более одного раза в год. До 1987 г. в паспорте ставили штамп «выезд до» и дату. Приходилось заботиться о том, чтобы не пропустить указанную дату (ведь никакие серьезные причины властями в расчет не брались), то есть фактически в отношении выезда за рубеж действовало все то же крепостное право, и в восприятии государства его граждане были крепостными людьми.

Казалось бы, в 1991 г. все это должно было быть уже отменено, но старая система по инерции держалась еще два года. Выезды санкционировались ОВИРОм. Только в 1993 г. эта практика была отменена. Когда гражданин подавал заявление на приобретение заграничного паспорта, так называемое девятое управление КГБ проверяло всю его подноготную, и, если человек «не имел, не привлекался, не состоял», ему выдавалось разрешение на получение паспорта, действующего в течение, скажем, пяти лет. Таким образом, Россия только в 1993 г. начала реализовывать то, что было записано в Декларации прав человека 1948 г., где есть пункт, по которому каждый человек имеет право беспрепятственно покинуть свою страну и беспрепятственно в нее возвращаться.

В 1993 г. мы окончательно освободились от запрета на свободу перемещений, но некоторые структуры еще демонстрировали определенную психологическую зависимость, оставшуюся от советских времен. В эпоху застоя бытовало присловье: «Если каждый будет ездить взад, вперед, тогда мы никакого коммунизма не учиним». Видимо, считалось, что в стране проводится определенный лабораторный закрытый эксперимент, не предполагающий свободные перемещения, которые нарушали бы его чистоту.

Могу рассказать как очевидец, что происходило в это время в церковной сфере. Среди высшего духовенства наблюдалась некоторая растерянность, связанная с ощущением утраты привилегий, заработанных тяжким путем гибкой политики и уступок, когда оказалось, что любой иподьякон получил те же возможности ехать куда угодно по частному делу. Получалось, что вся предыдущая сложно выстроенная жизнь насмарку, если представители низших слоев клира теоретически могут выезжать чаще архиерея. И тогда где-то около 1994 г. для клириков нашей епархии был разослан циркуляр, по которому все давали подписку о том, что выезд за границу возможен только по архипастырскому благословению, то есть опытные кукловоды с Лубянки все еще дергали за свои ниточки.

Вспоминаю забавную историю, которая произошла лично со мной в 1993 г., когда уже можно было выезжать в любую страну, имея на руках визу. Без каких-либо приглашений я получил в индийском консульстве визу и съездил в эту страну с челноками на полтора месяца, а когда вернулся, то в ответ на вопрос, заданный мне в канцелярии Академии, где это я так хорошо зимой загорел, простодушно ответил: «В Индии». Сообщили ректору, ректор — митрополиту. А дальше я иду по коридору Академии и вдруг ко мне подходит один из наших преподавателей со словами: «Слушай, я ничего не могу понять, вызывает меня владыка Иоанн, и начинает на меня кричать: “Почему вы ездили в Индию без моего благословения?”». Надо сказать, се-

мейная жизнь этого, ныне уже покойного, царствие ему небесное, преподавателя, сложилась неудачно, и у него на этой почве развился алкоголизм. Мы его все жалели, покрывали, как могли. Этот бедолага отвечает митрополиту: «Владыка, какая Индия, у меня и здоровья-то нет, не на что ехать, из дому все вынес уже и продал». А тот, говорит, стучит кулаком на меня: «Нет, я точно знаю, что вы были в Индии. Не ездить больше в Индию без моего благословения. Идите!» Только он мне это все рассказал, ко мне вновь подходят и приглашают к митрополиту. Вхожу, владыка сидит, смотрит на меня строго и, взвешивая каждое слово, говорит: «До меня дошли сведения, что вы приходите на лекции в нетрезвом виде». Я сообразил, что происходит, и отвечаю: «Владыка, мне кажется, я понимаю, в чем тут дело. Такая же история была с одним протоиереем после войны. Его вербовали в осведомители, а он сказал: “У меня осколок в голове, я вам все фамилии перепутаю”». Тогда владыка сам понял, что произошел какой-то, как говорят компьютерщики, «системный сбой», ничего больше не сказал, лишь велел: «Идите». И у меня о владыке Иоанне остались светлые, лирически окрашенные воспоминания. Мы всего один раз с ним встречались и то по такому странному поводу.

После этого у нас появилось специальное разъяснение, по которому человек, едущий по частному делу, ну скажем, в Карловы Вары на водичку (дальше фантазии не хватило), может не брать архипастырское благословение, ну а если куда-то на зарубежную конференцию, да еще, упаси боже, с докладом, да еще, не дай бог, о современном положении Русской православной церкви, то тогда такая поездка становилась возможной только по архипастырскому благословию.

Д. Спивак:

Существуют ли какие-либо документы об официальной оценке крепостничества со стороны православной церкви?

Архимандрит Августин:

Специально я этим вопросом не занимался, но знаю, что митрополит Филарет Дроздов приложил определенные усилия для того, чтобы ускорить вопрос об отмене крепостного права.

*В. В. Кавторин,
член Союза писателей
Санкт-Петербурга*

Общинное землевладение в системе крепостного права

То, что крепостное право для нас, как ни странно, живая тема, выяснилось сразу, поскольку сразу закипел спор, и только архимандрит Августин, как и положено служителю Господа, внес некоторое успокоение и мир в наши души. И даже заставил посмеяться, за что ему спасибо.

Я бы хотел обратить особое внимание на один из тезисов, прозвучавших в выступлении Б. Миронова, который субъектом крепостного права назвал также общину, и несколько его развить, потому что как раз это обстоятельство представляется мне весьма важным и плодотворным. Дело в том, что в русской истории и культуре есть ряд мистифицированных понятий, и община относится как раз к их числу.

Кто только ни пишет об общине, исходя при этом в основном из благих пожеланий, а не из документальных свидетельств и исторических фактов. Например, в недавно вышедшей книге известного экономиста академика Д. С. Львова, я прочел, что, оказывается, частная собственность на землю в России образовалась путем приватизации общинных земель. И что в 1861 г. общинная земля была отрезана в пользу дворянства. Но все, как мы знаем, было совершенно наоборот. Манера писать, не сверившись с фактами, к сожалению, присуща у нас не только писателям, но и ученым.

Община и крепостное право были два взаимопроникающих, взаимообуславливающих и взаимоподдерживающих социальных института. А назвать общину субъектом крепостного права, владельцем, мне представляется не совсем точным. Но, безусловно, община как социально-хозяйственный механизм способствовала, например, бесконфликтному внедрению помещичьей системы хозяйствования, потому что помещик вначале воспринимался как дополнительное обременение общины.

Всякая община не только российский крестьянский мир, но и, скажем, германский городской цех, или еврейский кагал, или казачье войско — строится на одних и тех же принципах: ей предоставляется некий природный или социальный ресурс в хозяйственное распоряжение под определенные условия. Община никогда не была

собственником земли в России. Собственником был князь, боярин, а общине предоставлялся лишь определенный ресурс: земля, лес, рыбные воды, — и она должна была вести хозяйство на этом ресурсе под условием несения определенного тягла, натуральных повинностей, налогов и т. д.

Она обеспечивала равную платежеспособность собственных членов равным доступом к ресурсам, которые были ей предоставлены. Это подавляло всякую хозяйственную конкуренцию внутри общины. И если говорить о том, почему принуждение, барщина, была производительней оброка, почему принуждение повышало производительность крестьянского труда, то потому, что без барщины община подавляла конкуренцию, и это было свойственно не только русскому народу, это характерно для любой общины.

В Германии крестьянская единица земли называется *Morgen* (утро). Это то количество земли, которое можно вспахать за утро, а не за день, потому что крестьянин считал нежелательным пахать весь день. Он должен был обеспечить себя, обеспечить то, что он должен выплатить по условиям общины, что является условием существования общины, а дальнейшее становилось уже излишним, потому что все равно изымалось.

Это подавление внутренней хозяйственной конкуренции, невозможность экономического роста в рамках общины обеспечили относительно одновременную ликвидацию по всей Европе крепостного права во всех его модификациях и общины. В каких-то регионах, как, например, в Германии, раньше исчезла община, в каких-то — крепостное право. Это институты, поддерживавшие друг друга, и если говорить о рациональности крепостного права, то я здесь допускаю его рациональность для государства в одном аспекте: община вместе с крепостным правом катастрофически понижала представление о ценности личности. Ведь ресурс у общины был неизменен. Рост населения общины уменьшал этот ресурс, ухудшал экономические условия ее существования. Поэтому каждый лишний мужик воспринимался общиной как ущерб для нее, что создавало пониженную ценность личности. Именно по этой причине так легко была внедрена рекрутская система набора, и оплакивали рекрутов, как мертвых, потому что для общины солдат становился именно таким. Он не претендовал больше на общинные земли как государев человек.

Низкая цена человека создавала для государства возможность военной мощи, совершенно непропорциональной экономическому уровню общества. Это было основное условие существования империи и ее роста — непропорциональная экономике военная мощь, создаваемая за счет подавления человека, но она же была и гибелью для империи. Крепостничество — это одна из исторических ловушек, в которую общество легко и незаметно вошло, но когда осознало, что эта форма исторически неперспективна, выхода уже не было. Поэтому вся критика реформы 1861 г. как половинчатой, недостаточно решительной и т. д. основывается на исключительно недостаточном знании предмета.

М. Свердлов:

Вопросы, которые я хочу задать, возможно, задал бы незабвенный А. И. Копунев, замечательный историк, доктор исторических наук, по происхождению, между прочим, из северных крестьян. Кстати, превосходно зная предмет, он постоянно напоминал: «Крестьянин без общины жить не может». А. И. Копунев исследовал состо-

яние северного русского крестьянства и реальные частнопровые акты купли-продажи вкладов земельных участков, что свидетельствует об их собственности на эту землю. Как тогда вы бы прокомментировали эти наблюдения, которые изложены в двух книгах, изданных институтом истории Академии наук? Это первый вопрос.

Второй вопрос касается состояния крестьянской общины, волости, которые не повсеместно были включены в систему крепостного права. Северная русская община как раз не была включена в систему крепостного права. Как бы вы прокомментировали это обстоятельство?

В. К.:

Н. Я. Данилевский, изучавший...

М. С.:

Он этого не знал.

В. К.:

Позвольте продолжить. Он изучал положение северных крестьян, будучи командирован министерством государственных имуществ для того, чтобы разобраться с причинами нехватки продовольствия на севере. К сожалению, у нас мало знают его отчет об этой командировке, хотя он опубликован в журнале Министерства государственных имуществ.

И Н. Я. Данилевский в этом отчете дает ряд рекомендаций. Кстати, до этого он изучал общинное хозяйство на юге, у яицких казаков и, как вы знаете, был сторонником общины. Северную общину он считал чистой общиной, не затронутой крепостным правом. Прежде чем зачесть выписку из отчета Н. Я. Данилевского, мне хотелось бы напомнить мнение доктора философии Пивоварова, высказанное им в статьях о Н. Я. Данилевском и обнаруживающее его знание предмета исключительно по труду «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского, мол, он не допускал распада общины. Между тем вот что пишет Н. Я. Данилевский в своем отчете: «Здесь, как и везде, где русский человек имел возможность распорядиться организацией своего труда, соответственно своим наклонностям, и своим понятиям о праве пользования дарами природы, он сделал это не на началах индивидуальной, а общинной совести, служащей у него основанием лежащих на нем повинностей». Да, на севере не было крепостничества, там был предоставлен государством ресурс в виде земель.

Б. Миронов:

Значит, было государственное крепостничество.

В. К.:

Ресурс в виде земель, и община его эксплуатировала, обеспечивая доступ не только к пахоте, но и к сырью для смолокурен и т. д. на равных основаниях.

М. Свердлов:

Но были ведь реальные сделки?

В. К.:

Да, реальные сделки были. Могли продаваться расчистки. Вот если крестьянин сам расчищал участок, он имел право его продать, а после 1861 г., кстати, это право отменили. Стали, переделав, эти расчистки тоже использовать. В результате, как пишет Н. Я. Данилевский в этом докладе, расчистки прекратились. Было неинтересно расчищать, горбатясь, лес, чтобы потом это переделали. И он предлагает здесь правительству отдавать расчистки в пожизненное наследственное пользование тем, кто их расчистил, то есть фактически разрушать общину.

Б. М.:

Во-первых, был задан вопрос об А. И. Копуневе, но кроме А. И. Копунева существует еще две точки зрения на сделки, которые практиковались в северной деревне в XVI–XVII вв., в том числе — А. И. Шапино и других. Не все считают, что там была частная собственность, это как раз одна из маргинальных точек зрения. Мне очень понравилось то, что вы, будучи писателем, а не историком, интуитивно очень точно почувствовали, что община и крепостное право — это две стороны одной медали. Это действительно так. Еще одна интересная с этой точки зрения мысль, прозвучавшая в вашем выступлении, состоит в том, что община была вставлена государством в систему государственного управления. Российское государство было очень слабым. Бюрократия была крайне слабой и немногочисленной. И только используя самоуправление, можно было наладить функционирование государства. Государству удалось включить общину в систему государственного самоуправления.

С. Коровин. На миру. 1893

*С. В. Чебанов,
профессор кафедры национальной
безопасности факультета безопасности
Санкт-Петербургского технического
университета*

Цикл русской истории: от освобождения крестьян до ухода Ельцина

После реформы 1861 г. сложилось общественное устройство России, которое является эталонным для бытовой мифологии широких слоев населения СССР-России последних десятилетий.

Это эталонное устройство характеризуется:

- максимальной юридически закреплённой величиной территории империи, ее высоким экономическим ростом и международным авторитетом, максимальным приростом численности населения, всесторонней модернизацией и включённостью в процессы глобализации;
- образом России как аграрной страны;
- наличием выраженной общественной стратификации с характерным для каждой социальной группы бытовым укладом;
- тенденцией ориентации детей на воспроизведение не только социальных статусов родителей, допускающей некоторую модификацию, повышающую этот статус, но и самой системы таких статусов (с некоторой модернизацией).

Последующая история является историей исчезновения (уничтожения) этих социальных групп.

Граница XIX–XX вв. характеризуется разорением и вытеснением с ключевых позиций помещичьего дворянства, возвышением разбогатевших крестьян (проблема «вишневых садов»).

В 20–30-е гг. XX в. насильственно уничтожается дворянство, купечество, духовенство, ставится под сомнение существование крестьянства (на границе 1910–1920-х гг. в очень радикальной форме).

В 1950-е (в особенности в конце) — 60-е гг. интенсивно идет размывание крестьянства как социальной группы (за счет общей либерализации, введения паспортов для колхозников, создания сети автобусного движения в сельской местности, развития сети телевизионного вещания и т. д.), продолжающее отток крестьянства из сельской местности во время индустриализации и военных действий конца 1930–40-х гг. Процесс разложения завершается программой ликвидации «неперспективных» деревень и началом массового садоводческого движения. Этот процесс вызывает острую ностальгию у разных групп населения, рождая творчество писателей-деревенщиков (от В. А. Солоухина до Ф. А. Абрамова).

1970–80-е гг. характеризуются размыванием уклада рабочих как социальной группы, в том числе распространением деятельности операторов (начиная с работы операторов станков с ЧПУ), обладающей чертами труда и быта как рабочих, так и инженеров. Стремление рабочих дать высшее образование своим детям, появление зачатков непрерывного образования, распространение движения рационализаторов и массового садоводства еще более усиливают этот процесс.

Застой 1980-х гг., как и последующие революционные преобразования, сделали наиболее востребованными, динамичными и социально адекватными лиц со средним специальным и с незаконченным высшим образованием.

В результате распада СССР оказалась невостребованной деятельность остатков как крестьянства (на их место все в большей мере приходит фермерство), так и рабочих.

Кроме того, на протяжении 1990-х гг. произошло разложение как «образованщины» (советских ИТР и «научных работников»), так и ее предшественницы — интеллигенции — последней социальной группы пореформенной России. На их место приходят интеллектуалы.

В итоге к концу XX в. не только исчезают все социальные группы пореформенной России, но и вообще оказывается, что в России вместо общества имеется социум — неорганизованная диспергированная социальная масса, своего рода «белый лист», с которого может начаться новый цикл социального развития.

*В. Е. Семенков,
доцент факультета социологии
Санкт-Петербургского
государственного университета*

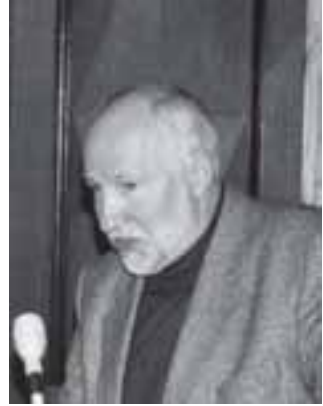
Крепостное право: право или бесправие?

Уважаемые коллеги, меня не устраивает то направление работы, которое сложилось у нас на семинаре. Я пришел на другой семинар. Уважаемый М. Свердлов говорил о том, что историки не должны заниматься идеологией, политикой и т. д.

Во-первых, это научный эскапизм, во-вторых, нам всем раздали документ, концепцию семинара. Это идеологический документ. Этот документ предполагает вписать тот феномен, который мы сегодня обсуждаем, крепостное право, в рамки определенного исторического процесса. Я цитирую: «но видится полноправной составляющей того впечатляющего процесса, начало которому было положено» восстанием рабов на Гаити. Я вижу задачу нашего семинара не в том, чтобы обсуждать крепостное право, это слишком комфортная позиция для историка, давайте обсуждать крепостное право, восстание Спартака и т. д. — я вижу задачу нашего семинара высказаться по поводу этого документа, я сюда пришел ради этого.

Можно ли вписать крепостное право в этот процесс, который обозначен в этом документе? Я убежден, что нет. Крепостное право — это право, а не бесправное состояние. Отмена крепостного права — это определенная правовая реформа, великая правовая реформа. Причина его отмены — утрата государством ведущих позиций на мировой арене и военно-политическое поражение в Крымской войне, поэтому для меня отмена крепостного права никак не видится полноценной параллельно восстания рабов на Гаити. Спасибо.

*А. А. Грякалов,
доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой истории философии
Российского государственного
педагогического университета
им. А. И. Герцена*

Мифологема крепостничества в современном сознании

В названии семинара, уважаемые коллеги, я хотел бы актуализировать первые и последние слова — «крепостное» и «современность». И действительно, наверное, историкам чрезвычайно интересно отслеживать детальные особенности, вводить в культурный контекст неизвестные архивные материалы. Все это, безусловно, очень значимо. Но я хотел бы обратить внимание также и на проект ЮНЕСКО «Невольничьи пути».

Полагаю, имеются в виду не просто определенные дороги, но и маршруты как схематика. То есть как возможная некоторая схематика рабства, которая действительно проявляется как нечто всеобщее, хотя каждый раз, вне всякого сомнения, предельно упакована в конкретную историческую реальность. Мне кажется, что тот разговор, который здесь намечается, я имею в виду, в том числе и последнее выступление, как раз показывает две позиции: между ними лежит не столько истина, сколько проблема.

С одной стороны, исторический опыт чрезвычайно значим, я вспоминаю слова профессора В. Ф. Асмуса, говорившего молодым студентам-философам в московском университете: «Если что-нибудь открыли, покопайтесь в истории философии; если там ничего не найдете, значит, открыли глупость». С одной стороны, мифологема крепостного, конечно, задает некоторую схематику, существующую до настоящего времени, а с другой стороны, исторический опыт ничего не объясняет, и очень часто злые языки говорят, что история учит только одному: тому, что она ничему не учит.

Мне представляется, что чрезвычайно важным было бы обсудить то, как некоторый феномен, некоторый архетип крепостного живет в современности. Потому что о чем бы мы ни говорили, мы говорим только о самих себе. В этом смысле, если вспомнить знаменитое высказывание блаженного Августина, существует только настоящее. А прошлое или будущее интересуют нас только в той степени, в какой они переживаются как настоящее.

Здесь действительно можно было бы определить некоторую типологию того, как можно работать с этим чрезвычайно сложным феноменом. В свое время меня удивило замечание американских социологов, которые отметили, что офицеры-южане в армии относятся к чернокожим солдатам лучше, чем офицеры-северяне. Казалось

бы, должно быть наоборот. Но тем не менее здесь включаются фундаментальные вещи, которые должны быть учтены, и, видимо, они проявляются в каждом культурном контексте.

К тому же мне не кажется продуктивным перечисление позиций, относящихся к проблеме кто кого спасал, хотя феномен заячьего тулупчика по своему весьма привлекателен. Конечно, чистое вложение, жертвенный дар очень значим, но тем не менее статистика здесь ничего, к сожалению, не открывает. Мне представляется, что нужно эти отношения, если угодно статистику, независимо от того, большая она или маленькая, ввести в некоторую объясняющую схему. Отношения крестьян и помещиков были включены в некоторое сакральное единство. То есть при всем их принципиальном различии в социально-культурном контексте, совершенно разных отношениях ко многим вещам они были едины, если угодно в том, что и тот и другой испытывал страх божий в той или иной степени.

Мне представляется, в этой проблеме нужно пытаться найти более глубокие вещи, и здесь тема крепостности, а не крепостничества (поскольку это понятие предельно идеологизировано) весьма значима в современном непредсказуемом геополитической контексте. В какой степени те вещи, которые фундаментально сложились, сохранились, в какой степени они сегодня работают?

У одного современного автора есть статья, которая называется «Россия как подсознание Запада». Действительно, Россию можно интерпретировать в категориях психоанализа, но если рассматривать ее таким образом, то нужно отсеять многие весьма значимые вещи. Поэтому, мне кажется, что хорошо бы нам включить в рассмотрение и этот сюжет — понимание сингулярности крепостничества, то есть попытаться вычленить всеобщее, которое проявляется каждый раз с неповторимыми особенностями.

Как-то никто не сказал из историков, что в Лифляндии и Эстляндии крепостное право было отменено примерно на 50 лет раньше, чем в России. Интересно было бы сравнить некоторую стратегию развертывания: как менялась социо-культурная ситуация при другой ментальности, при других социальных позициях? Было бы интересно сравнить эти вещи. Еще раз хочу подчеркнуть, что маршруты рабства — это не конкретные дороги, повторить их невозможно. Реконструировать, конечно, можно, но любопытно здесь другое — определенная схематика, схематика того, как всеобщее проявляется неповторимым способом. И может быть, здесь, понимая современную реальность, в том числе геополитическую, как особенного рода событие, мы что-нибудь и найдем.

Б. Миронов:

Скажите, пожалуйста, вот вы очень кратко сказали о сакральном единстве помещиков и крестьян как исповедующих одну религию. Может быть, вы можете развернуть поподробнее эту интересную концепцию?

А. Г.:

Помните, беседуют Иешуа и Понтий Пилат, и Пилат спрашивает: «Что есть истина?», а Иешуа отвечает, что истина, в том, что у тебя болит голова. Обычно на этом останавливаются, но там есть продолжение — «и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти», то есть он показывает, что духовность детерминирована телесным началом. Гроза пройдет, голова перестанет болеть, и дух твой ни на чем не держится. Я бы так сказал, что в этом сакральном соотношении, точнее, сакрализо-

*Н. Ге. «Что есть истина?»
Христос и Пилат. 1890*

ванном, крестьянство выполняет роль телесной массы. Дворянство выполняет некоторую роль психического, и тем не менее эти две разъединенные позиции сходятся в сакральном единстве. Поэтому, мне кажется, очень важным учитывать эти переходы.

Я. Гордин:

Вам не кажется, что достаточно принципиальная разница культур и мировидения русского дворянства и русского крестьянства с его особой культурой, особым, недворянским отношением к христианству, с его утопическим слоем сознания несколько разрушает это сакральное единство? Можно говорить о телесной массе и духовном слое, но крестьяне, насколько я понимаю, отнюдь не были телесной массой, это была другая культура.

А. Г.:

Конечно другая, но понятие Другой корректно употреблять только по отношению к некоторой данности, Другой не существует без Одного, понятно, что между ними существует то, что называют «МЫ-переживание», оно главнее, чем те позиции, которые вступают в отношение, поэтому при всей их другости они все-таки сходятся. И здесь, как мне кажется, нужно учитывать наличие этого всеобщего Единства, если угодно, и принципиальных различий внутри.

Тогда, собственно, у нас появляется некоторое обозримое проблемное поле, в котором можно было бы об этих вещах судить. Обратите внимание, такие писатели, как Б. А. Пильняк, например, или А. С. Серафимович, актуализируют внимание на массовом начале: «теплушка», «ночь», «железный поток». Они фиксируют внимание

на массовом, которое, в общем-то, не понимает, что делает, что происходит. То есть, вырабатывается собственная идеология массы в противовес принципиально значимой идеологии дворянства.

*Е. А. Окладникова,
доктор исторических наук,
профессор кафедры художественной
культуры Российского государственного
педагогического университета
им. А. И. Герцена*

Об аксиологии статуса работника сферы сервиса в современной России

Аксиологический анализ высказываний россиян относительно престижности разных социальных статусов современной России отражает общий характер перемен, которые наше общество претерпело не только в результате последних исторических событий, связанных с реформами постельцинской поры, но и событий более отдаленного времени.

Многие высказывания россиян сегодня, прямо или косвенно касающиеся оценки ими уровня престижности работы в «сфере сервиса в области культуры и образования», сближают ее с оценкой статусности людей, которые находятся если не в рабской (т. е. лишены даже права распоряжаться собственным телом), то в крепостной зависимости (т. е. прикреплены к земле, которая находится в собственности феодала). Иными словами, наблюдается тенденция возникновения оценки статуса работника сферы услуг в области культуры, образования как чрезвычайно низкого. Сразу оговоримся, что понятие «престиж» в настоящей статье подразумевает «то, что об этом статусе думают современные россияне».

Один из моих коллег, профессор СПбГУ, недавно признался мне с горечью: «Моя дочь — бухгалтер коммерческой фирмы, стыдится меня. Она никому из своих друзей не рассказывает, кем работает ее отец, ведь моя зарплата сегодня едва дотягивает до \$200». Другой профессор того же университета на днях, сидя со мной за чашкой кофе, со свойственной ему горькой иронией протянул газету объявлений, где было напечатано приглашение на работу грузчиков с указанием зарплаты: «...от 7000 руб-

лей». В этом году я стала свидетельницей парадоксальной ситуации: два талантливых студента пятого курса одного крупного петербургского вуза, выслушав предложение заведующего кафедры социологии продолжить обучение в аспирантуре, с удивлением спросили его: «А зачем?» Перечень фактов такого рода можно продолжить, но все они выявляют одну парадоксальную особенность социальной истории России. Казалось бы, статус работника сферы культуры, науки, образования в России до 1917 г. был относительно высок: вспомним о статусе профессора Петербургского университета, ученого, врача, учителя гимназии в дореволюционной России.

В поисках истоков этих оценочных суждений, формирующих массовое общественное мнение в современной России в отношении статуса работников сферы «сервиса в области культуры, образования, здравоохранения, науки» в современной России, (кстати, мнения, разделяемого и властью — чиновниками разных уровней), конечно, можно вспомнить революционные большевистские идеи (1917 г.). Например, веру большевиков в то, что «каждая кухарка станет управлять государством», или в социально-близких пролетариату (люмпенов) и социально-далеких (интеллигентов). Но это мало что объясняет.

Как показывают социологические исследования, проведенные автором методами контент- и интент-анализа высказываний студентов, прессы, бесед горожан, телевизионных интервью, оценочные суждения современных россиян, а также современных учебников по сервисной деятельности (Материалы находятся в печати, 2005. — Е. О.), показывают:

- За последние 10 лет в общественном сознании произошло разделение сферы сервиса на две части: первая часть представлена работниками сферы сервиса в области торговли, ресторанного бизнеса, туризма, ЖКХ, охраны и т. п. вторая часть представлена работниками сферы сервиса в области культуры, образования, здравоохранения. Это разделение теоретически и учебно-методически закрепляется в учебных программах, методической литературе, учебниках и учебных пособиях высших учебных заведений, в частности, профильных учебных заведений, таких как Академия туризма, Институт сервиса и экономики (СПб), СПбИЭГУ и др.
- Престижность статуса работников первой и второй частей сфер сервиса массовым сознанием и общественным вменением оценивается по-разному. Так, престиж работников первой сферы гораздо выше в силу более высокого денежного дохода (чем у работников второй части), разрешенного морально допустимой «жизнью на проценты» (например, чаевые). Работники второй части сферы сервиса (учителя, врачи, научные работники, библиотекари) «брать проценты в форме взяток или чаевых» с точки зрения предьявляемых им обществом высоких моральных принципов не могут.

В отличие от официанта или российского фермера, работник сферы услуг в области культуры, образования и науки в глазах современных россиян должен быть «выше презренного металла». Такие экономические понятия, как «прибавочный продукт», «прибыль», а также сопряженные с ним понятия «деньги», «материальное благополучие», по мнению большинства опрошенных, не гармонируют с его исторической миссией — создателя культурных ценностей и их транслятора.

Несмотря на высокий моральный статус, который укрепился, возможно, еще с дореволюционных времен (1917 г.) в массовом общественном сознании, а также в сознании правящей чиновничьей элиты, престижность статуса работника сферы сервиса в области культуры в современной России определяется понятиями «услуга», «услужение», «служение», а в латинской транскрипции — «сервис». Учебно-методические материалы, учебники и программы курсов современных вузов используют для названия серии учебных курсов, вошедших в Госстандарт как базовые курсы («Экономика сервисной деятельности», «Сервисная деятельность»), а также для названия спецкурсов («Сервисная деятельность в сфере туризма», «История сервисной деятельности») понятие «сервис». Но слово «сервис» имеет прямое отношение к латинскому терминологическому тезаурусу. Если мы заглянем в латинский словарь, то увидим, что термины «сервис», «сервисная деятельность» являются производными от латинского *serva* — рабыня, невольница; *servitio oris* — удобохранимый, удобоспасаемый, *servilis* — рабский, невольничий; *servio* — быть рабом, нести повинность, охранять интересы, подчиняться, заботиться стараться, домогаться, сохранять, спастись, соблюдать, наблюдать, сберечь).

Интересно рассмотреть причины и следствия такого использования латинского термина, определяющего рабское состояние человека, в современной России. Мы можем назвать три причины:

- Слепое использование плохо переведенной иностранной (англоязычной) литературы при подготовке профессорско-преподавательским составом учебников по новым курсам для менеджеров, экономистов, маркетологов, работников социальной сферы, работников в сфере туризма. При подготовке к изданию учебников не стали задумываться над проблемой перевода базовой терминологии на русский язык.
- Намеренный уход от термина «услуга», как вполне четкого и определенного для россиян термина, описывающего деятельность во второстепенной, т. е. повседневной сфере человеческой деятельности. Большая часть населения современной России так или иначе оказывается либо полностью, либо периодически (работающая домохозяйка) задействованным в сфере услуг.
- «Сервисная деятельность» — это новая сфера исторического знания, с неустоявшимся терминологическим аппаратом и понятийной базой. История России, как и история любого другого государства Европы, — это история войн, королевских династий и церкви. К проблемам истории повседневности (а «услуги» — это и есть история и культура повседневности) историки обратились совсем недавно (только в конце первой половины XIX в., французская Школа анналов).

Следствием этих причин явилось следующее:

- В общественном сознании произошло смещение в представлениях о характере социальной стратификации современного российского общества. Это смещение, отразившее разделение социально-экономической жизни общества на бюджетную и внебюджетную сферы, пагубно сказалось на оценочных суждениях россиян в отношении образованной, но не находящейся у власти элиты общества.

- В современной России статус работника сферы услуг, к которому наравне с официантками, дворниками и продавцами общественное мнение и городская устная традиция часто причисляет работников сферы культуры (библиотекарь, музейный работник, ученый), сферы образования (учитель), сферы здравоохранения (врач), чрезвычайно низок.
- В общественном сознании укрепляется термин «сервис» вместо термина «услуга». С одной стороны, иностранный термин используется как некий эвфемизм, описывающий приниженное, не то рабское, не то крепостническое состояние человека, привычного работника в малооплачиваемой бюджетной сфере. С другой стороны, человек, статус которого определяется терминами «serva», «servio», иметь высокий, т. е. престижный, статус не может. В европейской, в частности греческой античной, традиции раб был не более как «говорящее орудие» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Развитие технологий довольно быстро показало нерентабельность рабства как экономического института.

Один из вопросов, который был обозначен в информационном письме заседания круглого стола «Крепостное право и его отмена: история и современность», сопряженным с проектом ЮНЕСКО «Невольничьи пути», касался российского опыта отмены крепостного права в стремительно глобализирующемся мире. В этой связи хотелось бы поделиться одной гипотезой. Истоки представления о непрестижности работы в сфере сервиса, в частности сфере образовательных услуг, науки и культуры, определяются не только наследием социально-экономических институтов дореволюционной России, и наследием большевистских идей (и, как следствие, низкой оплатой труда, которая осуществляется «по остаточному принципу» из бюджета). Непрестижность статуса работника в «сфере сервиса в области культуры и образования» обусловлена в нашей стране исторически.

Корни представлений о низкой престижности статусов работника сферы сервиса, в том числе и сферы культуры, образования и науки, уходят в прошлое, в эпоху становления российской государственности, к истокам формирования российской ментальности. История российского государства была изменчивой и противоречивой. Вплоть до становления Московский Руси азиатская традиция, заимствованная росами от наследников тюркских каганатов хазар и печенегов, спаивала осколки разных славянских племен, инкорпорированных в России.

Если сделать попытку экстраполяции исторического сценария становления российского менталитета в будущее, то можно сделать следующий неутешительный прогноз. Как известно, имперские кочевые формации были тупиковыми линиями развития исторической эволюции. Сталкиваясь с земледельческими цивилизациями (в Новом Свете это столкновение атапасков и земледельческой цивилизации Юго-Запада США, в Старом Свете — столкновение кочевых империй Великой степи и цивилизаций земледельцев, например Византии), кочевники быстро теряли способность к конкуренции с новыми технологиями. Довольно быстро фабрики и мануфактуры, порох и пушки одержали победу над их мобильностью, антиурбанизмом, военизированной социальностью. На просторах Евразии кочевники стали вовлекаться в сферу влияния соседей-земледельцев, ориентируясь на внешний рынок. В результате трансформировался их хозяйственно-культурный тип, их ментальность.

Как нам представляется, опыт России в этой области демонстрирует следующие особенности:

- Россия в силу своего геополитического положения (между Азией и Европой) постоянно испытывали глобализирующее влияние как со стороны Великой степи, так и Европы.
- Российская ментальность сложилась на уровне культуры повседневности (народная культура) под воздействием ценностей кочевого типа культуры; ценности христианства, ассоциируемые с европейской глобализационным воздействием, усваивались сначала правящей верхушкой (с IX по XIV в.) и только к XVII в. стали восприниматься как исконно русские.
- Генезис кочевого типа культуры в условиях столкновения с земледельческим (для Евразии европейским типом культуры) типом культуры замедлился и перешел в трансформационную фазу (в области экономики от экзополитарного (для обозначения такого характера управленческой деятельности историком Н. Н. Крадным был предложен термин «экзополития» от *греч.* экзо — внутренний, полития — государство, общество. — *Е. О.*), кочевого, к эндополитарному, крепостническому).

Особенности исторического российского опыта отмены крепостного права дают основания высказать предположение, что для будущей России более продуктивным станет переориентация российской ментальности с базовых ценностей кочевого типа культуры (Золотая Орда, Великая Татария) на ценности европейского типа культуры. Мы надеемся, что следствием такой переориентации станет изменение общественного мнения. Следующей стадией изменений неизбежно станет изменение рейтинга престижности статуса работников сферы сервиса с области образования, науки и культуры в России. Изменения в области социальной психологии, с одной стороны отражают изменения в экономике и политике государства, а с другой — оказывают мощное воздействие на экономику и политику этого государства. Примеров тому в истории множество. В этой связи достаточно вспомнить о презрительном отношении правящей верхушки Третьего рейха к статусу работников сферы сервиса в области фундаментальной науки, в частности фундаментальной физике в начале 1930-х гг., и о том, чем это отношение обернулось для Германии в середине 1940-х гг. Мы также надеемся, что исторические, а также культурно-антропологические и социально-исторические в области культуры повседневности займут место в фундаментальной российской науке. Областью этих исследований неизбежно станет то, что сегодня называется сферой сервиса. Опыт развитых стран мира убедительно показал, что интенсивные, реально поддерживаемые государством фундаментальные исследования не могут не оказывать трансформационного влияния на все сферы жизни страны, в том числе и на массовое сознание, в котором сегодня господствует представление о низкой престижности интеллектуального труда.

*И. Н. Протасенко,
кандидат философских наук,
доцент Санкт-Петербургского
государственного технического
университета*

«Невольничьи пути» современной ментальности

Я бы хотела акцентировать свое выступление на второй половине названия нашего семинара «...и современность», отталкиваясь, безусловно, от того, о чем говорили коллеги. Реформа 1861 г. в России стала результатом упорной борьбы прогрессивной части российского общества против косности, отсталости, неэффективности общественного устройства в России.

Эта борьба была освящена высокими нравственными принципами свободы и справедливости, с которыми выступали лучшие умы России, романтики от декабристов, от А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова до Н. А. Некрасова, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и т. д. Что касается российских властей, воли государя, то это был скорее прагматичный шаг, ответ прагматиков на вызов романтиков.

Надо сказать, что сочетание романтического и прагматического — характерная черта любых социальных преобразований в России. Именно романтизм реформы в России радикализировал и многократно расширил характер прагматических преобразований в Северной Америке, связанных с отменой рабства, которое вначале рассматривалось как удачный тактический ход для достижения военной победы в гражданской войне. Наверное, можно утверждать, что российский романтизм и американский прагматизм — два взаимодополняющих, а порой и противостоящих друг другу начала, которые во многом определили ход эмансипации народов в XX в.

Соглашаясь с тезисом о том, что завершилась эпоха распада колониальной системы, смею предположить, что маршруты рабов прокладываются в будущее. Разрыв между богатыми и бедными странами увеличивается, развитие одних осуществляется за счет других, рабство приобретает новые формы и технологии реализации. Сегодня уже давались основные определения, но я тем не менее позволю себе некоторые уточнения. Рабство основано на использовании труда человека, превращенного в орудие, инструмент, машину путем принуждения или прямого насилия.

Фактически человек-раб теряет свою человеческую сущность, возможность быть субъектом свободного развития и превращается в бессловесный, бесправный объект ничем не ограниченной эксплуатации. Опасность трансформации человека разум-

ного в раба, человека-зомби существует и становится все более реальной. Контроль над телом все в большей степени сменяется контролем над духом. Грубое физическое насилие, хотя и это используется, уступает место психотехникам и политтехнологиям. Новые невольничьи пути теперь проходят через сознание людей.

Можно выделить несколько форм современного рабства, хотя границы между ними достаточно условны. Традиционное экономическое рабство направлено на минимизацию издержек производства, на создание сфер экономической деятельности, приносящих максимальную прибыль, в том числе преступный бизнес (производство наркотиков и наркоторговля, проституция, торговля детьми, и т. д.), а также бизнес, использующий детский и женский труд, труд мигрантов и незаконных гастарбайтеров.

Вторая форма — идеологически-политическое рабство — направлена на реализацию социальных утопий и имперских амбиций. Имеются в виду сталинский «коммунизм», германский национал-социализм, японский милитаризм, исламистский радикализм, единый глобалистский проект для всего человечества.

Духовно-нравственное рабство направлено на оправдание и поддержку системы целей и ценностей, объявляемых универсальными. Например, общество всеобщего потребления, расовая, национальная, религиозная нетерпимость.

И последняя форма, о которой я хотела сказать, информационное рабство, направлено на нейтрализацию критического восприятия социальных, экономических, политических противоречий в обществе, на сохранение статус-кво.

Мне представляется, что именно эти направления достаточно продуктивны для обсуждения.

С. Чебанов:

Как вы считаете, как быть с рабством наемных политтехнологов, которые и не бессловесны и чрезвычайно креативны, но абсолютно закрепощены?

В. Семенов:

Почему закрепощены?

С. Чебанов:

А потому что они детерминированы обстоятельствами, в которых они должны...

А. Грякалов:

Они сознательно эти позиции выбирают.

В. Семенов:

Они наняты. Это другая категория.

И. П.:

Я считаю, что это свободный выбор свободного человека.

С. Чебанов:

Я считаю, что это очень интересно.

Б. Миронов:

Тезис о том, что наступает новое крепостничество, новое рабство, достаточно тенденциозен. С вашей точки зрения, насколько велика угроза и кто и как сильно этому сопротивляется?

И. П.:

Познакомившись с концепцией семинара, я не поленилась зайти на сайт ООН и ЮНЕСКО и посмотреть проект «Невольничьи пути». Пару лет назад во время моего

знакомства с университетами Англии коллеги показали мне в Ливерпуле музей рабов.

Если раньше для меня это было знание, почерпнутое исключительно через литературу и кино, то в этом замечательном музее, где очень точно воспроизведена атмосфера происходившего (в экспозиции трюм корабля, карты, маршруты: Ливерпуль — черная Африка, Америка и путь капиталов в Англию), я приобрела весьма мощный аргумент против моего коллеги, часто в шутку говорившего: «Мы цивилизовали мир». Когда же мне, в конце моего визита в этот музей, предложили оставить запись в книге гостей, я написала одну короткую фразу: «Спасибо за вашу память», то есть за то, что вы помните, с чего стартовало ваше роскошное, по сравнению с остальным миром, существование. Проект ЮНЕСКО, как представляется, намечен на закрепление культурной памяти о том, что было. Но меня в данном случае больше волнует то, что происходит сейчас. Мне бы не хотелось сейчас погружаться в обсуждение темы глобализации, но, опираясь на современных исследователей, скажем, Иммануила Валлерстайна, стоит напомнить, что капитализм складывается сначала как система, а потом охватывает и локальные части Земли, то есть развитие происходит системно. Каждое государство, достигающее определенного уровня развития, должно отдавать себе отчет в том, что страны опережающего развития не стоят на месте, а продолжают двигаться вперед. Те опасные тенденции, которые я сегодня обозначила, напрямую связаны с возможностями средств современного психологического знания переориентации сознания человека таким образом, что он может оставаться в состоянии зависимости, подчинения и исполнения чужой воли и между тем быть довольным и счастливым. Как нанятые политтехнологи, о которых только что шла речь.

Д. Спивак:

Ирина Николаевна очень верно поступила, зайдя на сайт, это действительно методология вообще всего года, объявленного ООН, она кросс-методологична. Зная о тех различиях, которые существуют даже между формами крепостной зависимости в разных регионах мира, не говоря уже о различиях рабства и крепостничества, авторы упорно пытаются выделить одну константу. Константу, скорее всего историко-технологическую, они ее называют *human trafficking*, то есть контрабанда, провозезение человеческих тел сквозь различные слои общества, сквозь географические преграды, что в конечном счете оказывает какое-то влияние на сознание этих людей и сознание в целом. Неизвестно, насколько методологически корректен этот подход. Исследовать границы его эффективной работы как раз и входит в нашу задачу.

*Д. Я. Травин,
кандидат экономических наук,
заместитель главного редактора
газеты «Дело»*

Реформа крепостного права и глобальный экономический сдвиг

Я хотел бы выступить как экономист, по своей специальности и в силу сферы своих интересов, которыми является опыт экономических преобразований в зарубежных странах, прежде всего европейских. Но сначала пару слов о той крайне интересной дискуссии, которая развернулась вокруг выступления двух моих самых любимых петербургских историков, у которых я научился почти всему, что знаю в исторической науке. Имею в виду Б. Миронова и Я. Гордина. И признаться, мне трудно было бы встать в этой дискуссии на какую-либо из этих двух точек зрения.

Впрочем, как экономист я не вижу между ними непримиримых противоречий. Почему? Сначала маленькое образное сравнение: когда в семье растет ребенок, подавляют ли родители его свободу? Самые лучшие родители всегда в какой-то степени ограничивают его свободу, иначе невозможно. Любит ли при этом ребенок своих родителей, и любят ли родители ребенка? Как правило, любят. И между ними возникают душевные отношения, отношения контакта, что ни в коей мере не отрицает, того, что по достижении совершеннолетия ребенок должен эмансипироваться и выйти из семьи. Я понимаю всю условность аналогии, но в определенном смысле мы можем в этих же рамках рассматривать ситуацию с крепостным правом.

Бесспорно, даже мой скромный опыт исследований в этой области подсказывает, что и в российских крепостных отношениях, и в опыте рабства в Соединенных Штатах были отношения патриархальные, душевные, патерналистские и т. д. Но когда мы исследуем социальную сторону вопроса, нам никуда не уйти от понимания того, что на определенном этапе существования эти отношения объективно должны разрываться, и экономика общества может развиваться только при условии прекращения этих отношений. Более того, с точки зрения своей науки мне видится, что это скорее не вопрос о земельных отношениях. Понятно, что нормальное развитие сельского хозяйства в конечном счете должно основываться на практике свободного труда. Но аграрная реформа и ликвидация крепостных отношений — это прежде всего глобальные структурные изменения в экономике, сдвиг от аграрного общества к индустриальному и даже впоследствии к постиндустриальному.

Потому что и индустриальный и постиндустриальный сектор требуют, как говорили в нашей марксистской традиции, свободной рабочей силы, независимой рабочей силы, или, как принято говорить сейчас, свободного рынка труда, что невозможно в условиях отношений крепостничества. Поэтому, как мне представляется, динамичное развитие России, наметившееся в конце XIX — начале XX в., являлось развитием, в значительной степени связанным с предшествующей ликвидацией крепостных отношений. Такое развитие возможно только после того, как крепостнические отношения ликвидируются.

Теперь обратимся к тому вопросу, который поставлен в розданных нам нормативных документах, к которым сегодня коллеги уже несколько раз обращались. Если я не ошибаюсь, основной вопрос, ради которого нас пригласили собраться в этом прекрасном здании, звучит примерно так: «Чем была эта реформа в России, прагматическим действием или неким романтическим, идеалистическим актом, основанным не столько на четко осознанной целесообразности отмены крепостного права, сколько на идеях, бродивших в обществе?»

Обычно, когда я как экономист выступаю на эти темы, все от меня ждут, что я сразу скажу, что нет, бытие первично, идеи вторичны. Весь мой опыт исследования разного рода реформ в разных странах, из которых, может быть, 1861 г. я занимался меньше всего, показывает, что реформы приходят не тогда, когда какая-то группа бюрократов осознала целесообразность этих преобразований, все четко просчитала и определила, что в результате этих преобразований ВВП возрастет настолько-то, инфляция и безработица уменьшатся настолько-то и т. д., а когда созрела общая ментальная обстановка для преобразований.

И эти ментальные изменения приходят из десятков различных источников, как внутренних, так и зарубежных. Весь опыт реформ в Европе, французских, германских, австро-венгерских, которыми мне доводилось заниматься, определяется, прежде всего, даже не внутренним влиянием, а международным культурным влиянием, которое шло в Европе примерно с XVII в. и, как определил Парсонс, из северо-западного угла Европы, из Англии, Голландии, северной Франции, и которое в результате культурного взаимодействия распространялось дальше и постепенно дошло до России. Это, кстати, можно рассматривать как ответ на некоторые выступления, звучавшие сегодня относительно роли Европы и Азии. Мне кажется, в результате моих исследований, что в российском развитии определяющую роль, бесспорно, играла тенденция, идущая из Европы.

Б. Миронов:

Меня поразила замечательная метафора сравнения с ребенком, который сначала закрепощен, а потом освобождается. Я бы еще здесь добавил, что ребенку сначала нравятся это закрепощение, но постепенно он, вырастая, осознает свое положение и начинает с этим бороться.

В. Черва:

Вы говорите о том, что экономический рост России в конце XIX в. предопределил наше дальнейшее экономическое развитие. При этом вы сказали, что это возможно лишь при ликвидации старых отношений. Можно ли говорить о полной ликвидации этих отношений после реформы 1861 г., если до 1905 г., насколько я помню, откупные еще не были погашены и если после революции у нас появились колхозы, которые вернулись, по сути дела, к тому же крепостному праву, только на другом уровне?

В. Перов. «Тройка». Ученики-мастеровые везут воду. 1866

Д. Т.:

Замечательная реплика! Я говорю не о том, что этот рост predetermined наше дальнейшее развитие, а о том, что этот рост оказался возможен в результате предшествующих изменений. И о том, что те изменения в экономике, которые произошли после 1917 г. или, если быть более точным, где-то в конце 1920-х гг., во многом были определены недорешенностью проблем реформ, очень слабой трансформацией менталитета россиян, широких масс населения. Я думаю, что те преобразования, которые робко намечались в России с середины 1960-х гг. XX в. и реально начались уже в 1990-е гг., были мало связаны с экономическим ростом России конца XIX — начала XX в. Эти преобразования шли на новой основе.

А. Г. Щелкин,
главный редактор газеты
«Русская Европа»

Феномен русского патернализма

Уважаемые друзья, я пребываю в некотором миникультурном шоке после того, как прислушался к деталям нашей дискуссии. Мне казалось, что после высказываний современников, свидетелей крепостного состояния в XIX в., после того, что делал на государственном уровне П. А. Столыпин, не осталось никаких сомнений в том, что если мы где-то задержались на этом пути, то это не основание сегодня с некоторой ностальгией, культурологическим энтузиазмом и даже историческим фундаментализмом искать некие обоснования в добродетелях патернализма.

Я бы даже не хотел произносить «крепостное право», потому что ассоциативный ряд с этим состоянием двух интерпретаций не предполагает. Я говорю о патернализме, и здесь надо смотреть на вещи реально и трезво. А русский идеализм (духовный, религиозный, какой хотите) — феномен довольно коварный и не однажды подставлял нам ножку на этом пути.

Давайте говорить, глядя историческим и любым онтологическим фактам в глаза. Всякое историческое бытие, всякая цивилизация начинаются с состояния свободы, анархической, но достаточно саморегулирующейся, первобытной свободы, первобытной демократии, как говорили классики, в том числе не обязательно марксизма.

И только в дальнейшем начинаются ограничения и закрепощения. И русское, московское — будем говорить точно — государство постаралось сделать все, чтобы, решая вопросы самоутверждения и борьбы с конкурентами на Западе и на Востоке, прикрепить относительно свободное население к земле и соединить его с орудиями труда, которые им давались. Итоговый эффект прекрасно известен всем. Но через некоторое время выясняется, что все-таки конкурировать со свободным трудом заводов Англии и северной Европы невозможно, и мы стали проигрывать. Особенно наглядно проблема была продемонстрирована в ходе Крымской войны, поражение в которой восприняли в России как катастрофу. Зачем нам искать сегодня какие-то обоснования иного порядка, кроме того, чтобы трезво смотреть на вещи?

Парадоксальность российской ситуации состоит в том, что если государство закрепило нас, то оно же должно и раскрепостить, и в этом пафос короткой фразы, которую А. С. Суворин записал в своем дневнике в 1893 г.: «Демократию должно

организовать в стране правительство». К сожалению, эта задача до сих пор не выполняется в должной мере, что мы наблюдаем, глядя на состояние гражданского общества, уровень и плюрализм частной собственности в современной России, которые, увы, крайне карикатурны и мизерны.

С экономикой и политикой, друзья, не шутят. Здесь надо модернизироваться во вполне понятном направлении, по которому уже совершил движение т. н. цивилизованный мир. В культурной области, ради бога, давайте будем оставаться со своей русской физиономией, русской культурой и русскими традициями. Так сложилось везде, и прежде всего в Японии и в Юго-Восточной Азии. Они модернизировались в тех областях, где это требуется для нормального развития государства, и никакой ностальгии, никакого обращения к своим самурайским традициям.

И последнее. Б. Миронов нашел хорошую аналогию с ребенком. Я скажу грубо, извините, но это похоже на искажение не то что педагогики, а фактов. Ребенок, вообще говоря, рожден свободным, и в странах, где это понимают, ему дают максимум свободы до 3–4 лет, как в Японии, а потом берут в шоры, а не наоборот.

Б. Миронов:

Антропологи считают, что первобытные, как вы говорили, люди в дописьменных обществах были самыми несвободными, даже более несвободными, чем раб и крепостной.

А. Щ.:

Я не говорю, что они были самыми свободными.

Б. Миронов:

У вас прозвучала такая идея, что сначала был свободный, потом пришло крепостничество, стремясь отнять свободу...

А. Щ.:

Я этого не говорил. Там было множество ограничений антропологического и сексуального порядка. Как говорится, самец так вас прижмет, если вы попробуете, равно, как и другая конкуренция. Мы говорим о свободе, которая оставалась и которой потом социальные институты в виде государства и его субституты начали лишать.

*В. Г. Чернуха,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского
института истории РАН*

Безальтернативность как базовое свойство русского крепостничества

Глубокоуважаемые коллеги, уже после первых трех выступлений выяснилось, что на крепостное право в России существует две совершенно противоположные точки зрения. И одновременно, как мне кажется, выяснились и возможные аргументы оппонентов, и причины разных взглядов на это явление.

Как действующий, работающий историк, занимающийся именно реформами в России 1860-х гг., я придерживаюсь традиционных взглядов, считая отмену крепостного права в 1861 г. событием предельно запоздавшим. Постараюсь быть краткой и пояснить свою точку зрения. Что получала Россия в результате этой запоздалой отмены?

Крепостное право было институтом безальтернативным. Когда говорят о его благотворных явлениях, то это вполне соответствует действительности: мы можем обнаружить в воспоминаниях дворянства примеры того, какие благостные у них были отношения с уже освобожденными крестьянами. Разумеется, было и такое, но нельзя представлять себе русского крестьянина в виде некоего монолита: один крестьянин, с одним характером, с одними желаниями. Беда же русского крепостного права заключалась в том, что оно не несло в себе (впрочем, как и вся российская действительность не несет и по сей день) необходимой альтернативы. Для одних крепостное право и община были благом, а для других это было невыносимо.

Первое. Чем оно поддерживалось? Чудовищным насилием, особенно в XVIII в.: били батогами нещадно, так что ни о какой благостности тогда и речи быть не могло. Второе. Страшные нарушения закона. Когда бессмертный М. Е. Салтыков-Щедрин говорил, что русский человек существует исключительно по недосмотру начальства, то это была не только святая правда. В этом поразительном по точности высказывании появлялся еще второй план, сводящийся к тому, что у любой личности неистребимо существует потребность в свободе. Эта потребность существует всегда, и если даже допустить, что не у всех, то придется признать, что порой даже у самых законопослушных крепостных крестьян она может внезапно и неодолимо проявиться.

Потребность в свободе выражалась и в том, чтобы выйти за пределы той тридцативерстной черты, которая была очерчена наличием паспорта Российской империи. Никто не мог выйти за пределы этой черты, правда, и дворяне в том числе, которые тоже были по-своему закрепощены. Это не значит, что правительство непрерывно надзидало за каждым дворянином. Но когда возникала необходимость покарать ослушника, когда, скажем, матушка Екатерина была кем-то недовольна, но при этом, будучи большой законницей, не собиралась вчинять судебный иск и начинать судебный процесс, то тем не менее располагала возможностью распорядиться о том, что такого-то столового дворянина, князя такого-то, например тургеневского предка, отправить в его деревню. И он там сидит безвыездно, как сидел И. С. Тургенев. Сидит, потому что его статья не понравилась Николаю I. А ведь это сплошное нарушение закона.

Колесование. XVIII в.

Далее. Происходили наши реформы всегда и при любых обстоятельствах при наличии пропасти между государством, которому был весьма удобен существующий порядок вещей, и гражданами, которым он был вовсе не удобен. Мне хочется привести здесь в качестве примера С. Ю. Витте, пересмотревшего свои взгляды на крестьянский вопрос и на общину как на определенного рода удобство стадного управления. Ведь как раз крепостное право давало власти удобство стадного управления огромным крестьянским населением через помещиков.

Но крестьянство реагировало на крепостное право, на стеснение своей свободы побегами, с которыми не мог справиться даже самый образцовый государь Николай I, ночей не спавший в думах о благе России. Он, между прочим, платил 10 рублей ассигнациями или, после реформы Е. Ф. Канкрин, 3 рубля серебром за каждого отловленного и все равно переломить сложившуюся ситуацию был не в силах. Все равно крестьяне продолжали бежать и скрываться. Такой непреодолимой была пропасть между обществом и властью, преследовавшей совершенно другие цели и вовсе не имевшей в виду блага крестьян. А случаи наказания помещиков, как это произошло с печально известной Салтычихой, были единичны и не меняли дела.

Далее. Что нам принесло крепостное право? Крепостное право лишило нас третьего сословия, которое так и не возникло. Я думаю, первые шаги к отмене крепостного права можно было делать, начиная по крайней мере с Александра I. В действительности же в царствование Александра I едва начали выкупаться те самые купцы, которые потом через сто лет стали знамениты своими фамилиями. В частности, выкупались Морозовы. Выкупались они, если мне не изменяет память, за сумму, составляющую около двадцати тысяч рублей. Кто из крепостных крестьян имел такие

деньги? Вот у нас и вышли одни Морозовы да Мамонтовы. Достаточно пальцев на двух руках, чтобы этим ограничиться, а для сословия, которое развивается, теряет своих членов, разоряется и т. д., нужна массовость, которой в России не было, в результате чего мы так и не получили третьего сословия.

Что же касается вменяемой помещикам заботе о крестьянах, и в частности указов Елизаветы, то, в самом деле, это очень интересный момент: помещиков вынуждали кормить крестьян, они должны были заботиться об их состоянии. Но, скажем, в дневнике у Пушкина, кажется, 1834 г., есть очень интересная запись. В те голодные годы правительство пыталось денежно помогать помещикам, направляя субсидии для поддержки крестьянства, и Пушкин описывает, как петербургскому предводителю дворянства и еще кому-то выдали на эти цели большие деньги. Каков же комментарий поэта? Он пишет: «Что будет? Шикарный бал». Денежная помощь не дойдет до тех, кому она адресована, зато в Петербурге будет устроен шикарный бал.

И все же власть настойчиво пыталась обязать помещиков заботиться не только о себе, чему свидетельством книга, изданная министерством государственных имуществ о неурожаях и государственной помощи, заставляла помещиков устраивать запасные магазины. Как же отреагировало наше благородное крестьянство на свободу? Первое, что оно сделало, когда освободилось, разобрало хлеб из запасных магазинов. Так что хотели как лучше, получилось как всегда.

А что касается подготовки и проведения самой реформы, которая была хорошо продумана в кабинетах, то это редкий случай, когда привлекались и специалисты, и независимые эксперты, представляющие экспертизу общественного элемента, что совершенно нехарактерно для нашей власти, которая всегда была самодостаточна.

*С. Т. Махлина,
доктор философских наук,
профессор Санкт-Петербургского
Государственного университета
культуры и искусств*

Крепостное право и современная художественная культура в России

Тема моего выступления будет посвящена, как ни странно, современной художественной жизни. Получив материалы об этом семинаре, я решила, что, вероятно, следует рассмотреть все аспекты связи крепостного права и современной художе-

ственной жизни в России, но мои коллеги, когда я у них спрашивала, есть ли какая-нибудь связь между этими явлениями, обычно отвечали, что никакой связи здесь нет и быть не может.

Тем не менее я очень благодарна всем выступавшим, потому что они как раз дали мне возможность и силы поверить в то, что эта связь, безусловно, существует. В частности, была высказана мысль о том, что, конечно же, крепостное право родило рабскую психологию, которая, к сожалению, не искоренена в нас до сих пор. И в тех, кто нами руководит, и в тех, кто создает художественные ценности, и в российской культуре в целом.

Недавнее заседание нашего правительства с центральным выступлением министра культуры, к сожалению, лишь подчеркнуло эту особенность нашего менталитета. Мне кажется, интеллигенция всегда осознавала эту рабскую зависимость народа, откуда, собственно, родом и сострадательный пиетет к нему.

В советское время, когда я преподавала марксистско-ленинскую эстетику, в обязательном порядке надо было прочитать один из основополагающих разделов, который я прочитать почему-то всегда не успевала, — классовость, партийность и народность искусства, потому что апелляция к народу как к чему-то высшему, прекрасному и положительному существовала и в советское время. Несколькими в других формах это существует и в наше время, выливаясь в апелляции к массовому искусству, которое сегодня считается у определенной группы авторов (таких публикаций на сегодняшний день вполне достаточно) очень хорошим и полезным.

Следует все же отметить, что, несмотря на то что массовое искусство, по мнению некоторых критиков, считается хорошим и полезным, оно тем не менее относится, скорее, к явлению плебисцита, а не народности. И сегодня невероятное распространение этого массового китчевого искусства и есть проявление рабской психологии, которая сохранилась до нашего времени. Причем достаточно часто это массовое искусство прорезывает довольно высокие этажи культуры, проникая уже и в Эрмитаж, и в Русский музей. В качестве примера позвольте напомнить недавний всеобщий восторг по поводу коллекции Фаберже и оценки ее, в том числе и специалистами, как достояния российской культуры. Но, во-первых, это не наше достояние, это частная собственность, во-вторых, что важнее, это не проявление высокого вкуса.

На мой взгляд, такая массовизация в сочетании с волной массового, китчевого в современной культуре — это отклик поздней, по отношению к европейским странам, отмены крепостного права.

Далее, наличествующие формы коммерциализации нашей современной культуры тоже во многом есть проявление упомянутой остаточной рабской психологии, присутствующей во всех нас. На первые места выходят люди, в творческом отношении оказывающиеся не всегда на достаточно высоком уровне, но умеющие продвигать на рынок свои вещи, то есть являющиеся продюсерами, менеджерами своего творчества, что в нынешние времена востребовано несравненно больше, чем сугубо творческий потенциал.

Вместе с этим существуют и некоторые положительные элементы, связанные с тем, что, как это описано в романе Ж.-П. Сартра «Затворники Альтоны», побежденный побеждает. Очень часто определенные сдерживающие негативные элементы способствуют развитию неких прогрессивных начал и тенденций в искусстве. Кста-

ти, это было характерно и для первых революционных лет советской власти. Вы знаете, что российский авангард стал эталоном для многих мировых явлений в современной художественной культуре XX в. На него ориентировались многие художники, в широком смысле этого слова, во многих странах мира.

И сегодня, несмотря на то что я говорю о засилье коммерциализации, засилье массового вкуса, засилье исследований, посвященных ему как явлению положительному, я думаю, что наша страна в период перехода-рубежа дает очень интересные образцы высокой культуры, которые оказываются и еще окажутся притягательными для современной художественной культуры во всем мире.

* * *

Казалось бы, современная художественная жизнь и отмена крепостного права отстоят так далеко, что связи между ними быть не может. Однако на самом деле эта дистанция не так уж и велика. Еще живы правнуки тех, кто был освобожден от крепостной зависимости. Практически от 1861 г. нас отделяют 3–4 поколения. Кроме того, историческая динамика влияет на последующие события и многое предопределяет в их ходе. Поздняя отмена крепостного права, ознаменовавшего избавление от рабства большинства населения страны, имела важные, надолго определившие особенности развития общества. Интеллигенция, страдавшая от данной несправедливости, испытывала вину перед народом. Это ощущение вины отразилось в литературе, музыке, изобразительном искусстве. Народ — носитель истинных, существенных представлений о действительности, по мнению интеллигенции, может дать наиболее правильную оценку явлений, он — выражение самых верных критериев. Вот почему родилось движение «хождение в народ», когда считалось необходимым дать просвещение оторванным от знаний массам. Такая демократическая установка проявлялась не только по отношению к общественным и социальным явлениям. В первую очередь она коснулась искусства. Одним из проявлений такого взгляда на искусство стало движение передвижников. И это проявлялось не только в дореволюционный период. И после Октябрьской революции апеллирование к народу — наследие позднего освобождения основной части населения страны от рабства. Действительно, после революции успешно была проведена программа борьбы с неграмотностью. Образование стало доступным именно для тех, кто был лишен возможности его получать до революции. Открылось очень много новых высших учебных заведений. Эта тенденция получала порой довольно многочисленные и не всегда успешные формы. Так, стремясь повсеместно развивать эстетическое воспитание, открывали народные университеты культуры, дома творчества и т. п. Не всегда они были успешны. Как показало последующее время, «самый читающий народ в мире» оказался при первой возможности, открывшейся после перестройки, обычным потребителем параискусства, кичевых поделок и того неизбежного сора в свободном обществе, окружающего подлинные художественные произведения. Когда возникла возможность насытить ими рынок, оказалось, что нетребовательных потребителей этого товара оказалось достаточно много, чтобы эта рыночная продукция могла приносить доход, и притом изрядный, своим создателям. Выяснилось, что эстетическое воспитание советского народа провалилось и не оправдалось.

Да и сегодня нередко в качестве судьи художественных произведений взывают к гласу народа. Это не всегда верно и справедливо, ибо не всегда соответствует реаль-

ным критериям. Известно, что Ж.-Ж. Руссо, проповедовавший такого рода демократическую эстетику, как раз был убит представителями низов, носителями, как он считал, «верных вкусов». Такая концепция рождает основания для пропаганды и оправдания массовой культуры. Сегодня появилось множество научных теорий, считающих массовое искусство не побочным и вторичным его продуктом, а важным и закономерным элементом культуры, стимулирующим развитие культуры в целом. Действительно, массовая культура во многом питается подлинным искусством, существовать без него не может. С другой стороны, существуют ситуации, когда высокое искусство вбирает в себя элементы китча — одного из крайних проявлений массовой культуры, нередко обыгрывая его и иронизируя по его поводу. Но такие тенденции доминирования массовой культуры ведь могут в конечном итоге разрушить и подорвать основу истинного служения идеалу, оттеснив в маргиналы носителей серьезных исканий и потребовав, в конце концов, снова «возрождения» утерянного. Ибо в искусстве, насаждая повсеместно мимикрирующие под него массовые поделки, воспитывают вкус большинства, требующего этого разжеванного и пережеванного продукта все в большем и большем количестве. Потребление такого «искусства» есть проявление рабской психологии и дальнейшее ее воспитание и стимулирование.

Рабская психология осталась, въелась в мирозерцание людей лишь недавно, по сравнению с Западом, освободившихся от рабства. Несвободный человек во многом зависит от тех, кто держит его в узде. Но, с другой стороны, он не должен думать о своем пропитании, даже в целом о своем существовании. Поэтому такая несвобода оказывается в чем-то даже удобной. Она рождает несамостоятельность, безынициативность, пассивность по отношению к окружающему. Вот почему оказалось возможным в советское время практически во второй раз ввести крепостное право по отношению к крестьянам, закрепленным к земле, лишенным паспортов и возможности свободно перемещаться по стране.

Наследие рабской психологии существует до сих пор. Проявилось оно в явлении, которое в давней статье, написанной в 1968 г., а напечатанной лишь 1987 г., Леонид Невлер назвал «культурой хамства». «Срыть бульдозером старый, сложившийся район, сравнять ландшафт, чтобы выстроить на плацу мерный марш блочных зданий... Взгромоздить на высокий берег типовой примитивный дом» (Невлер Л. Культура хамства // Декоративное искусство СССР. 1987. № 9. С. 26). Эта «культура хамства» проявлялась в том, что рядом с изящным Горицким монастырем в Переславле могли поставить «два тупых дома». Невлер писал тогда: «Вся композиция выглядит теперь по типу “было — стало”... было дивно, стало дико». (Невлер Л. Культура хамства // Там же. С. 25). Сегодня эта «культура хамства» привела к тому, что сгорел Манеж в Москве, снесена гостиница «Москва», которая представляла собой значимый памятник сталинской эпохи, Военторг — один из немногих сохранившихся памятников конструктивизма.

В искусстве «культура хамства» проявляется в неумении найти собственный путь, следование устоявшимся представлениям, неумение приветствовать неординарное, яркое, новое. Вот почему талант, как правило, признается после смерти.

Вместе с тем в современном художественном творчестве мы наблюдаем и противоположные тенденции. Они связаны с положительными факторами поздней отме-

ны крепостного права. Победенный побеждает, как это сформировал в «Затворниках Альтоны» Ж.-П. Сартр. «Фрейд доказал, что детство, считавшееся до него самым безоблачным временем в жизни человека, является на самом деле наиболее тяжелым, эмоционально нагруженным и несчастным временем жизни» (*Руднев В. П. Божественный Людвиг Витгенштейн: Формы жизни. С. 37*). Все же, став взрослыми, мы представляем себе детство как самую счастливую пору своей жизни. Маргерит Дюрас, одна из умнейших и ярких писательниц XX в., считала, что ощущение счастливого детства не зависит от того, каким оно в действительности оказалось. Даже самый обездоленный человек воспринимает свое детство счастливым. Но, в отличие от тех, кто помещен в детстве в удобные, благоприятные условия, суровое детство воспитывает жизненную энергию, вырабатывает умение приспособиться к сложностям жизни, т. е. стимулирует активную позицию. Позднее освобождение родило интенсивное стремление к новому, независимому творчеству. Вот откуда значимость русской литературы, русского авангарда конца XIX — начала XX в. во всем мире. Связано это было в первую очередь с тем, что именно литература в России могла взять на себя проявление общественных представлений и наиболее полно их выразить.

С другой стороны, долго сдерживаемая творческая активность проявилась в революционные годы во всех видах искусства — и в живописи, и в архитектуре, и в музыке, и т. д. Первым ярким воплощением такого значимого явления авангарда рубежа XIX—XX вв. для советских граждан стала выставка «Москва—Париж». На ней очень зримо проявилось, как Париж, действительно долгое время бывший столицей искусств, уступил первенство в творческих начинаниях Москве. Ведь советские люди были отсечены от всего, что происходило на Западе, и казалось, что именно там было пространство новаторства и свободы творчества. Эта выставка показала значимость российского авангарда. Влияние советского авангарда на все мировое искусство было повсеместным. В 1993 г. мне посчастливилось впервые выехать на международную конференцию в Валансен. Нас повезли на экскурсию в Брюгге. В музее изобразительного искусства в этом городе поразило, как постепенно, после полотен Брейгеля, Босха, Мемлинга, к XIX — началу XX в. искусство становилось все менее и менее значительным. А для произведений XX в. ведущими мотивами стали завоевания русского авангарда.

Однако в пору этих великих открытий в искусстве России современники воспринимали культуру своего времени как время кризиса, упадка и возвещали приход «грядущего Хама». Сегодня мы с придыханием и восторгом говорим об искусстве Серебряного века. Но ведь сами его представители видели негативные стороны и сетовали о низменных проявлениях в творческой сфере. Сходные явления характерны и для современной ситуации. Художественная культура нашего времени столь же двойственна. С одной стороны, она демонстрирует обилие массовых подделок под искусство, получающих широкое распространение. Сегодня мы часто говорим о том, что наступило время упадка, кризиса культуры. И создается впечатление, что все великое было создано в прошлом. И как вымерли мамонты, так и сегодня нет ничего равного по силе тому, что создавали ушедшие гиганты.

С другой стороны, наша культура проявляет столь же яркие интенции, поддерживаемые освобождением от давления идеологии, какие были характерны для рубежа

XIX–XX вв. Причем во всех видах искусства. Создаются многие замечательные литературные произведения, много интересных художников, музыкантов. Не говоря уже об исполнительских искусствах, в которых мы часто «впереди планеты всей». Как правило, выдающиеся музыканты в мире связаны с нашей школой, прибегают к ней как живительному источнику.

Следует однако помнить: диктат идеологии в советское время был возможен не только из-за страшных репрессий. Отчасти он получил распространение и как результат непривычности к свободе и тяготения к тому, чтобы кто-то вел и отвечал за ход жизни. И здесь проявляет себя закономерность, которую подметил А. Ахиезер: в России он насчитал семь этапов перехода от авторитарности к демократическим преобразованиям (*Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1*). Однако после демократических реформ Россия скатывалась обратно к авторитарности. Выскокить из этого круга может помочь искусство.

*А. М. Мелихов,
член Союза писателей
Санкт-Петербурга,
зам. главного редактора
журнала «Нева»*

Хижина дяди Антона

Рассказывают, что, принимая Гарриет Бичер-Стоу в Белом доме в 1862 г., Авраам Линкольн пошутил: «Так вот та маленькая женщина, которая вызвала такую большую войну!» Но в этой шутке, возможно, было гораздо больше правды, чем казалось самому президенту. Серьезные политики, серьезные аналитики, серьезные историки слишком часто смотрят на историю как на историю борьбы за материальные ресурсы, не замечая того, что она еще и в огромной степени есть история зарождения, становления, борьбы и упадка коллективных фантомов, коллективных иллюзий, коллективных грез. И в этой борьбе незримое воздействие художественной литературы на общественный образ мыслей, образ чувствований, по крайней мере, образованного слоя, замечается далеко не всегда на фоне открытой политической борьбы за зримые, наглядные предметы.

В борьбе за умы и сердца необразованного слоя близкую роль играют слухи, сплетни, мифы-однодневки, и не только однодневки, но проследить за ними неизмеримо труднее — так часто они исчезают без следа или в лучшем случае оставляют след в форме других слухов и преданий. Роль же литературы как творца коллективных иллюзий современники зачастую ощущают гораздо более остро, чем историки. Можно спорить, почему два наиболее мощных русских гения — А. С. Пушкин и Л. Н. Толстой — в своих наиболее зрелых произведениях практически не коснулись так называемых ужасов крепостного права, — быть может, обоим казалось, что всякий мир по-своему гармоничен, что сломать легко, а улучшить чрезвычайно трудно, — однако их радикальные оппоненты в такие тонкости входить не желали, они стремились обесценить, дискредитировать примиренческие шедевры. Какая может быть энциклопедия русской жизни без крепостного права, негодовал Д. И. Писарев по поводу «Евгения Онегина». «Тогда славяне жили тихо, постилась каждая купчиха, но чтоб крестьян пороли лихо, застенки были, Салтычиха, все это сон пустой», — так пародировал «Войну и мир» Д. Д. Минаев.

Это были уже, так сказать, выстрелы назад, по поверженному врагу. А «Хижина дяди Тома» была задействована против уже пошатнувшегося, но еще сильного врага. В 1858 г. журнал «Современник», в котором задавали тон Н. А. Некрасов и Н. Г. Чернышевский, разослал читателям русский перевод «Хижин» в качестве приложения к журналу. В период острой политической борьбы на художественную литературу всегда смотрят с чисто утилитарной точки зрения — «за» она или «против». Изображение русского крестьянина несчастным и беспомощным Антоном-горемыкой представлялось простым и очень сильным аргументом в сложнейшем вопросе.

Сложнейшем, но решенном радикальной интеллигенцией задолго до его практического разрешения. К сожалению (или, может быть, к счастью? — ведь в противном случае не исключено, что все трагические вопросы исторического масштаба так и стояли бы без движения), вождями общественного мнения очень часто становятся деятели бескорыстные, но и безответственные, склонные рассуждать в терминах этических принципов, а не в терминах реальных последствий, склонные заменять знания совестью, пребывающие в плену той иллюзии, что из добрых намерений не может проистечь особенно страшного зла, — хотя вся история Нового времени говорит об обратном.

Но, похоже, главной общественной иллюзией было не то, что крепостное право должно быть уничтожено как можно быстрее, а то, что вопрос этот прост и не нуждается в тщательном обдумывании и долгосрочных мерах предосторожности; интеллигентным радикалам казалось: то, что безоговорочно осуждается нравственным чувством, должно быть и уничтожено без долгих разговоров. Даже такой скептический мыслитель, как А. И. Герцен, с гордостью вспоминал, что единственное, на чем он всегда настаивал с полной определенностью, была отмена крепостного права. Но я не могу припомнить никаких его серьезных размышлений о том, что за этой отменой последует.

Любопытно, что генерал Л. В. Дубельт после объявления манифеста записал в своем дневнике: теперь у нас появится пролетариат и пойдут революции, как во Франции (хотя и он не предполагал, что примерно через поколение российская революция надолго затмит славу Франции как классической страны социальных потрясе-

ний). Я вовсе не хочу сказать, что Л. В. Дубельт был умнее А. И. Герцена или что он был в большей степени озабочен судьбами России. Скорее всего, дело было в том, что как практик он привык больше думать о последствиях, чем о принципах, как это свойственно писателям, профессионально пребывающим в мире грез. Что естественно, нормально и даже хорошо, если не понимать их грезы как буквальное руководство к действию.

На этом фоне даже удивительно, что в романе простодушной миссис Бичер-Стоу, кроме морального негодования, встречаются все-таки и размышления о трудностях выхода негров из рабского состояния. «Закоренелый деспот» Альфред, кажется, не совсем без оснований уверяет, что «его рабам живется лучше, чем большинству населения Англии, — еще неизвестно, что хуже: когда детей твоих продают или когда они умирают у тебя на глазах голодной смертью».

Благородный Сен-Клер выражается более мягко: «Но, если мы освободим своих рабов, кто займется ими, кто научит их использовать дарованную им свободу на благо им самим? Мы слишком ленивы и непрактичны, чтобы воспитать в бывших невольниках любовь к труду, без которой они не станут настоящими людьми. Им придется двинуться на Север, но признайтесь мне откровенно: много ли найдется людей в Северных штатах, которые захотят взять на себя роль их воспитателей? У вас не жалуют денег на миссионеров, но что вы скажете, когда в ваши города и поселки хлынут чернокожие? Вот что меня интересует! Если Юг освободит своих рабов, соизволит ли Север заняться их воспитанием?»

Размышления эти не бог весть какие глубокие, но в русской литературе, кажется, не встретишь и таких. Насколько виною тому была цензура и насколько, так сказать, родовая легковесность литературных радикалов? Все мы в юности сладостно содрогались от того образа России, который неистовый Виссарион обрисовал в знаменитом письме Н. В. Гоголю: «Она представляет собой ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр не человек». «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уж есть. Это чувствует даже само правительство... что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостного кнута треххвостною плетью».

Что Карфаген, то бишь крепостное право должно быть разрушено, было ясно всем благородным людям, и в правоте их сомневаться трудно; но о том, что из этого получится, задумывались, кажется, немногие — мало кому хотелось прослыть ретроградом в глазах всех порядочных людей. Н. В. Гоголь так и не решился отправить В. Г. Белинскому свой ответ, впоследствии реконструированный из клочков: «Что для крестьян выгоднее, правление одного помещика, уже довольно образованного, который воспитался и в университете и который все же, стало быть, уже многое должен чувствовать, или быть под управлением многих чиновников, менее образованных, корыстолюбивых и заботящихся о том только, чтобы нажиться? Да и много есть таких предметов, о которых следует каждому из нас подумать заблаговременно, прежде нежели с пылкостью невольного рыцаря и юноши толковать об освобождении, чтобы это освобождение не было хуже рабства».

Но увы — о слишком многих предметах не подумали заблаговременно...

Хотелось бы понять: что было причиной недостаточной подготовленности «эмансипации», в какой степени здесь сыграли роль объективные обстоятельства (непомерная сложность вопроса, непреодолимые интересы каких-то социальных сил, отсутствие достаточных ресурсов), а в какой коллективные фантомы, коллективные иллюзии, в которых пребывали и верхи и низы?

*А. К. Секацкий,
кандидат философских наук,
доцент кафедры социальной философии
философского факультета
Санкт-Петербургского
государственного университета*

Крепостное право в истории «чрезвычайной государственности» России

Уважаемые коллеги, должен признаться, что я узнал для себя много нового и интересного, что очень приятно, но остаются какие-то вопросы и более конкретного и более общего свойства, которые, на мой взгляд, по-прежнему делают эту проблему отмены крепостного права достаточно мистической.

Прежде всего следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Россия всегда была крайне смелой по отношению к экспериментам. Попросту говоря, экспериментирование было неким непрерывным национальным занятием, по крайней мере, с того момента, как ушел последний царь-батюшка Алексей Михайлович и появился первый царь-дедушка с его потешными войсками, Петр I, и в дальнейшем именно этот тип своеобразной монархической власти преобладал.

Каких только экспериментов ни проводилось, начиная со строительства ледяного дома, отнявшего у тогдашнего бюджета Российской империи примерно треть, не говоря уже про бесконечные реформы Петра, про тотальную регламентизацию Павла, про попытку инсценировать теоретические идеи утопического социализма непосредственно в России народовольцами. А уж про революцию и про идею мировой революции и говорить нечего. Везде одни сплошные эксперименты.

И на этом фоне поразительная робость в отношении отмены крепостного права не может не поражать. Что тут было такого особенного, что именно устранение этой личной зависимости, не имевшей прямых экономических привязок (основное содер-

жание было достаточно свободно связано с экономикой), так тормозило этот процесс? И тем не менее, начиная по крайней мере с Екатерины, создавшей в 1768 г. первую комиссию, первый комитет по освобождению крестьянства, всякий раз при рассмотрении этого вопроса все поголовно были убеждены в совершенной необходимости отмены крепостного права, но каким-то таинственным образом потребовалось более ста лет для реализации этого всеобщего желания.

Любопытно, что члены этих комитетов начинали работу с представления о том, что во что бы то ни стало надо крестьянство освободить, но, более детально знакомясь с проблемой, потихоньку меняли свое мнение, понимая что, может быть, не стоит этого делать так поспешно.

Тот же Николай I собирался чуть ли не делом своей жизни, как ни странно, сделать освобождение крестьянства, а потом передал эту заветную мечту своему наследнику Александру II. И только в период действительно максимальной слабости российской государственности, когда совпали несколько постыдных обстоятельств, первым из которых было поражение в Крымской войне, а второе (впрочем, по значимости вполне могущее претендовать и на первое место) — некоторое неудобство перед просвещенной Европой, для ментальности которой сохранение крепостного права было все таки не *сotte il faut*, началось реальное проведение реформы.

Ненормальное состояние государства тем не менее остро ощущалось и каждым из государей, и всеми публицистами. Примерно таким образом начинались, если вспомнить, тексты тех же петрашевцев: «Доколе перед лицом просвещенной Европы мы будем сохранять позорное крепостное право?» Этот фактор был чрезвычайно значим во все времена, в конечном счете приведя к тому, что с грехом пополам удалось пресловутое крепостное право отменить.

Но, как мы знаем, крестьянин, выбравшись из одной зависимости, тут же попал в зависимость к миру, так называемой общине, плюс, как здесь было совершенно верно замечено, одновременно был принят закон, запрещающий личное владение так называемыми свежеобработанными участками. Фактически только при Столыпине, тоже, кстати, в период максимально слабого стратегически государства, было произведено полное в европейском смысле освобождение крестьян, но советская власть довольно быстро все вернула на круги своя.

Мы видим, что в условиях непрерывного экспериментирования в основных своих чертах крепостное право в тех или

А. Денисов, В. Черенов. Иллюстрация к 27-й статье Конституции РФ. Проект «Артконституция». 2003

иных формах сохранялось в России практически всегда. И сейчас его атавистические черты в виде прописки, привязанности к социальному паразитизму и многим другим вещам по-прежнему сохраняются.

В чем тут дело? Вполне вероятно, что причиной этого является совершенно особое представление о государственности, отличное от восприятия государства как служебного механизма гражданского общества. Англосаксонская, протестантская модель утвердила режим служебной государственности, который соответственно транслировался по всему миру в уверенности, что всякий, кто входит в этот режим, одновременно приобретает к цивилизации. Для России же государственность всегда носила чрезвычайный характер, и служебная модель государственности так никогда и не работала.

Этот чрезвычайный характер государственности предполагает любую степень самопожертвования и слияния, но только в тот момент, когда эксперимент происходит в рамках имперского самосознания, в рамках имперского самочувствия. В этот момент можно и ледяной дом строить, и мировую революцию совершать, но никак не за пределами этого. Все попытки каким-то образом отказаться от солидарности, в том числе от иерархической солидарности, завершались ничем. В качестве примера нижней групповой солидарности можно привести зависимость крестьян от мира, дальше — интеллигенции от общественного мнения, и эта зависимость была гораздо жестче любой цензуры. В конечном счете только в рамках такого режима чрезвычайной государственности России удавались все ее свершения. За пределами этих рамок они не удавались никогда, приводя лишь к расшатыванию, к появлению мятежных провинций, к распаду формы незримой и зримой империи, ну и, конечно же, создавая регрессивную тенденцию, которая рано или поздно возвращала привычный имперский статус и идею такого, если можно так выразиться, порочного круга, круговой поруки.

Крепость как крепкое слово. Вспомним защитников крепости из «Капитанской дочки», где процветала ситуация полного развала, коррупции, когда кажется, появился враг у ворот, и все рухнет. Напротив, как только враг появляется у ворот, как только звучит слово «государево дело», тут же мгновенно незримая империя обретает свой зримый характер и вновь готова совершать мировую революцию и покорять космос.

Но требуется обязательно что-нибудь предельно масштабное, на меньшее российская держава никогда не оказывалась способной. Как мне кажется, проблема состоит в радикальном различии двух мировоззрений. Либо перед нами протестантско-англосаксонская модель, которая предполагает, что возможна призванность в качестве непосредственного ответа перед богом, так сказать, самостоятельность как принцип богоизбранности. И модель, которая существует только в режиме чрезвычайной государственности и предполагает богостоятельность, которая обращается к человеку не напрямую, а через социальную структуру, через определенную иерархию, в силу чего те или иные элементы крепостного права оказываются неустранимыми из самосознания.

Сегодня, когда мы присутствуем при полном кризисе идеи служебной государственности, когда она себя явно изжила, выдохлась и давно уже проникнут чуждыми элементами, иным генетическим социокодом, как раз в этих условиях, странным образом сохранение режима чрезвычайной государственности, по-видимому, оста-

ется единственным жизнеспособным ответом христианской западной цивилизации вообще, так сказать, на безнадежную устарелость и изношенность всех социальных структур.

М. Свердлов:

В контексте таких высоких размышлений несколько мистического свойства, как бы вы конкретно рассмотрели указы императорской власти, начиная с екатерининского 1775 г., потом указа о вольных хлебопашцах, потом освобождение крестьян Финляндии и, добавим, Прибалтики как формы постепенного движения к изживающему себя крепостному праву, изживающему экономически и социально? Как это вписывается в вашу мистическую систему?

А. С.:

Сама Россия всячески пыталась избавиться от обузы крепостного права, но всегда возникала ситуация по поговорке «вместе маются друг с другом, а в разлуке плачут». Впрочем, допускался некий выход за пределы крепостной зависимости: это и казачество, и северное крестьянство, и выкуп. В результате очень небольшая часть населения этим пользовалась. Но основная масса крестьянства, в сущности, не могла, не хотела и не представляла себе другого способа самоидентификации, как сохранение этих метаперсональных полей притяжения.

Эта зависимость не обязательно была зависимостью от помещика, это могла быть, как мы уже говорили, зависимость от мира, от общины, от общественного мнения

П. Заболотский. После жатвы. 1822

(в случае интеллигенции), и, таким образом, несмотря на все указы, все благие намерения, в основных чертах крепостное право оставалось. Не из-за экономических причин и принципов, а из-за неких экзистенциальных причин, составлявших саму духовную форму существования России.

М. Свердлов:

Тогда возникает другой вопрос. Даже по указу о вольных хлебопашцах освободелось больше ста тысяч крестьян, это раз. А во-вторых, они записывались просто в другие сословия, они не оставались ни в каких общинах. Они записывались в мещане и купцы и даже продолжали функционировать как уже лично свободные люди в конкретных экономических сферах деятельности.

А. С.:

Совершенно верно, это была та форма оттока, которая всячески поощрялась свыше, потому что такого рода архаическое существование все-таки было очень тяжелой обузой с точки зрения просвещенной Европы. Но тем не менее, несмотря на то, что, насколько я помню, начиная с Николая I, вводились попытки выкупа крестьян из тех имений, которые находились в залоге и в опеке, массового оттока все же не было, хотя индивидуальная возможность выхода из крепостного состояния существовала всегда. И здесь приводились примеры, как она реализовывалась.

В. Кавторин:

В чем вы видите повышенную дееспособность «чрезвычайного государства», которое носит чрезвычайный характер? В том ли, что Россия за XX в. пережила несколько кровавых потрясений и два развала, в том ли что она оказалась на экономических задворках? В чем эта повышенная жизнеспособность нашего «чрезвычайного государства»?

А. С.:

Я думаю, все зависит от масштаба рассмотрения. Понятно, что какой-то исторический период существования тех духовно возрождаемых демократий, основанных на праве свободных, имеющих право носить оружие людей, закончился.

Современная ситуация показывает нам факт оккупированности государств, их формальных структур и невозможность противостоять новым силам. И более того, всегда существуют ресурсы, которые могут потребоваться внезапно, когда-то это было золото, потом, допустим, это была нефть, потом еще что-то. Потом может оказаться, что чистый воздух Непала, грубо говоря, станет более ценным фактором, чем вся экономическая инфраструктура Европы вместе взятая. Это трудно заранее предвидеть.

Также чрезвычайный режим государственности есть некая форма авансирования из будущего. В какой-то момент она может понадобиться. Не потому, что это так хорошо, а потому, что ничего другого не останется.

*Е. И. Анненкова,
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русской литературы
Российского государственного
педагогического университета
им. А. И. Герцена*

Крепостное право и русская литература

Я действительно хотела бы сказать о той роли, которую литература играла в процессах, обсуждаемых нами сегодня, и, мне кажется, что литература здесь исполняла свою функцию или даже свою миссию.

Конечно, я не могу согласиться с тезисами о родовой легковесности русских литераторов, с тезисами о профессиональном пребывании писателей в мире грез, с тем, что знание подменяется совестью, и т. д. Все-таки вся история русской литературы второй половины и конца XVIII в., XIX в., вся русская литература свидетельствуют о том, что сложнейшие, достаточно противоречивые вопросы, которые мы сейчас обсуждаем, и русскими литераторами воспринимались как вопросы, предполагающие неоднозначный подход и в то же время требующие теоретического обсуждения.

Должна заметить, что уже упомянутый А. И. Герцен является автором такого труда, как «Письма к старому товарищу», это одно из самых поздних его сочинений. И мне всегда представляется, что это сочинение имело бы смысл основательно проштудировать некоторым современным деятелям, поскольку он говорит там об особенностях исторического процесса. Он там как раз не призывает к скоропалительному совершению каких-то перемен, напротив, говоря о своем достаточно близком приятеле и друге М. А. Бакунине, прибегает к свойственному ему метафорическому выражению, мол, М. А. Бакунин второй месяц беременности принял за девятый. И настаивает на том, что историю нельзя подгонять таким образом. Так что литераторы гораздо глубже смотрели на вещи, чем это подчас кажется со стороны.

Что касается отмены крепостного права и роли русской классической литературы в этом, то я бы отметила два момента. Первое. Все-таки, мне думается, что русские писатели сыграли чрезвычайно важную роль в подготовке этого процесса. И даже не только прямым образом, не только тем, что, скажем, в публицистике и в своих сочинениях ставили вопрос о необходимости проведения реформы, но литература, выполняя свою собственную роль, решая свои собственные задачи, подспудно готовила общественное мнение и общественное сознание к тому, что эта перемена должна произойти.

Можно вспомнить сочинения Н. М. Карамзина, произведения А. С. Пушкина, где, как мы хорошо помним, формируется отношение к другому человеку как к личности, независимо от того, на какой социальной ступени он находится. «Он другой, может быть, на более малой ступени располагается, но он такой же» — так герой Ф. М. Достоевского скажет о пушкинском герое Самсоне Вырине из «Станционного смотрителя». Он мал, но граф, идущий по Невскому проспекту, может оказаться в таком же положении, как этот пушкинский герой.

Это новое видение другого человека, имеющего право на такие же культурные и исторические завоевания, как человек образованный. Это видение формируется литературой, меняя общественное сознание, которое более не может мириться с отсутствием свободы.

Но не менее важна, с моей точки зрения, вторая акция, совершаемая русской литературой. Она заключается в том, что литература берет на себя тот труд, который, как мне представляется, общественный деятель, политик, философ, быть может, даже в пределах русской культуры не мог в полной мере осуществить. Известно, русская литература подвергает своеобразному испытанию концепции и идеи, которые создавались лучшими умами, которые были воодушевлены благороднейшими замыслами. Литература измеряет их самим процессом жизни, литература измеряет их теми самыми этическими категориями, которые, в самом деле, отличны от категорий знания и прочих, и поэтому мы действительно найдем в среде русских литераторов неоднозначные истолкования и понятия свободы, и самой реформы отмены крепостного права.

Это может показаться противоречием, но на самом деле противоречия нет. Для русских литераторов, начиная с А. С. Пушкина, хотя предшественники у него были, может быть, не менее великие, каждое понятие, важное для общественной жизни, рассматривается исключительно с позиций свободы. Что есть свобода, как она сопряжена с просвещением, какой ценой добывается свобода, чем может обернуться свобода? Возможна ли такая ситуация, когда высокой идеей свободы начинают спекулировать? И поэтому А. С. Пушкин в 1830-е гг. пишет свою известную статью, посвященную А. Н. Радищеву, удивляя современников как будто бы негативным отношением к А. Н. Радищеву. И в самом деле, он много в нем не понимает, но ценно в этой статье другое — пушкинские рассуждения о просвещении и полупросвещении, о невозможности высокомерно и снисходительно относиться к прошлому.

Н. В. Гоголь пишет статью о сословиях в государстве, где тоже выскажет идеи, нашедшие неприятие у многих его современников. И это не просто монархические идеи, и дело не в том, чтобы вернуться к этим идеям, а в том, что он говорит о важности критического взгляда на разные формы правления. Прошло то время, когда идеализировали монархические, или республиканские, или демократические формы правления. Настало то время, скажет Н. В. Гоголь, когда форма правления должна произрастать из духа самого народа, самой земли. Вот это умение взглянуть критически, точнее, аналитически на какие-то идеи, заставить задуматься над ними — это всегда было свойственно русским литераторам.

Поэтому, мне думается, в XIX в. в литературе был накоплен невероятно мощный заряд диалектического осмысления тех исторических явлений, которые оказались драматически ужесточены в политической сфере.

Д. Спивак:

Уважаемые коллеги, у нас осталось время для коротких заключительных замечаний. Если кто-нибудь хотел бы высказаться в общем и целом о семинаре, прошу вас.

Заключительные реплики

Я. Гордин

Плоды «неплодотворной несвободы»

Сегодня, по сути дела, мы говорили о плодотворности или неплодотворности несвободы. На этот вопрос есть две точки зрения: первая — несвобода в определенных условиях может быть плодотворна, и вторая — несвобода ни при каких условиях не может быть плодотворна которой я и придерживаюсь.

Здесь достаточно вспомнить и то, что говорила В. Чернуха, и саму реальность русской истории. Мы можем сколько угодно говорить о мистическом характере этого процесса, но при этом не надо забывать, что Россия с екатерининских времен шла от одного чудовищного финансового кризиса к другому. В 1850-е гг. страна оказалась фактически разоренной. Внешний и внутренний долг достиг подавляющих размеров.

Достаточно почитать письма государственных деятелей того времени, которые были в панике и ждали катастрофы. Достаточно посмотреть дневник П. А. Валуева. Так что на самом деле не было других вариантов, кроме того, который состоялся. А. Мелихов мой друг, но, как говорится, истина дороже. Ведь, по его словам, получается так, что, может быть, можно было и не отменять крепостное право, если бы не фантазировали писатели. Нет, нельзя было.

И другая сторона вопроса. Мы как-то стали говорить за русского крестьянина, что ему, может, было вовсе и не плохо. Вообще, к сожалению, мы мало касались психологической стороны дела, а ведь для русского крестьянина с 18 февраля 1762 г., с манифеста о вольности дворянства крепостное право стало незаконным, потому что после этого манифеста крестьяне ждали свободы по понятным причинам. И если мы обратимся к тем прекрасным подробным работам о русской крестьянской утопии, которая была категорически антикрепостнической, выражая глубинную философию русского крестьянина, то поймем, что русский крестьянин вовсе не мечтал о том, чтобы остаться крепостным. И те крестьяне, которые бежали при Елизавете (по официальным данным, их убежало до 250 тысяч), добежали до Пруссии с одной стороны и до Турции — с другой. Они не в общину бежали и не в новую крепость.

*Ф. М. Лурье,
член Союза писателей
Санкт-Петербурга*

Государственная политика после отмены крепостного права

Я никогда не занимался крепостным правом и его отменой и тем не менее хотел бы сказать несколько слов в защиту власти. Нам сейчас чрезвычайно легко размышлять и рассуждать, что могло бы произойти со страной, если бы реформа была иной, но то, что, не случись ее, Россия залилась бы кровью, неоспоримо. Против реформы была, во-первых, большая часть дворян и, во-вторых, все чиновничество.

С 1858 г. власть всерьез начала заниматься реформой. На мой взгляд, все необходимые мероприятия были проведены со всей возможной основательностью и тщательностью. Была создана густая сеть комиссий, предназначенных для решения всех спорных вопросов, и на местах без какого-либо опоздания специалисты в достаточном количестве были готовы разрешать возникающие в обилие споры. Это первое.

Второе. Я абсолютно согласен с В. Чернухой и с Б. Мироновым, но правительство с 1858 г. серьезно занималось вопросами трудоустройства освобожденной части населения. В том же 1858 г. было принято решение о создании Земледельческой академии в Москве. И эта Земледельческая академия создавалась к 1861 г. для того, чтобы туда пришли «к сохе» те люди, которые изначально были (приходится использовать некорректный штамп) «от сохи». Правда, что из этого получилось, не время обсуждать. Ректором этой академии стал незаслуженно уже почти забытый человек — Николай Иванович Железнов (1816–1876 г.). Он закончил Горный институт, Петербургский университет по двум факультетам, продолжил обучение в Гогенгеймском королевском институте и в Сорбонне, закончил парижскую консерваторию искусств и ремесел и далее занимался вопросами совершенствования сельского хозяйства практически во всех европейских государствах.

Приехав после этого в Россию, он профессорствовал в Петербургском университете, откуда его забрали в комитеты по подготовке реформы. В комитетах он был с 1858 до 1861 г., после чего стал ректором Земледельческой академии. Это было лучшее учебное заведение в России. Тем не менее дальнейшее развитие событий приня-

ло вполне драматический характер, продемонстрировав уровень готовности нашего народа и его так называемую ментальность. Из 1111 человек, обучавшихся там в течение 10 лет, только 34 студента получили дипломы. В этом первоклассном учебном заведении была организована группа «Народной расправы», и постоянно совершались противоправные действия. Н. И. Железнову пришлось оттуда фактически бежать. Этот европейски образованный человек не понимал, с кем имеет дело, и в 1869 г., вскоре после возникновения «Народной расправы», он покинул Земледельческую академию, окончательно отказавшись там работать.

Чем же занимались те люди, которые перестали пахать и перешли в учебные заведения? Большинство пополнявших революционные организации были из тех, кого принято было называть «на государственном коште». Они кормились за государственный счет, что не мешало им активно создавать революционные организации. Все эти организации нам известны. Это особый, очень интересный и очень странный разговор.

В заключение я не могу не показать вам мартовский номер журнала «Современник» за 1861 г. с опубликованным извлечением из постановления, прочитав которое, я еще больше утвердился в мнении, что все, что касалось правительства, не может вызывать никаких нареканий.

И вот интересное наблюдение — пусть меня наши литераторы простят, — я думаю, что один из недовольных этим документом был Н. А. Некрасов, потому что Н. А. Некрасов потерял тему. Что же касается одного из величайших русских умов А. И. Герцена, то, на мой взгляд, «Письма старого товарища» — это его неоконченное политическое завещание. В нем он пишет совершенно гениальные по простоте и образности слова: «Нам не авангардные офицеры нужны, а проповедники. Нам не вырывать глаза нужно, а раскрывать».

А у нас А. И. Герцена никто не слушает, если бы слушали, может, мы жили бы иначе. И сейчас наши законодатели ничему не учатся, и мы ничему не учимся, и наши беды продолжают, и конца-края им не видно. Вот так оптимистически приходится заканчивать.

*Л. Н. Летагин,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры этики и эстетики
Российского государственного
педагогического университета
им. А. И. Герцена*

Явление: фрагменты политической и художественной хроники

Закрепощение крестьянства мы воспринимаем как систему непопулярных мер, в то же время и отмена крепостного права, если оценивать социальный резонанс, оказалась очень непопулярным решением. В этом плане весьма интересной представляется формула Пушкина, классическая формула крепостнических отношений в России, — «барство дикое и рабство тощее». Обычно акцент делается на «диком барстве», детерминирующем «тощее рабство». Я же думаю, что эта пушкинская формула в большей степени амбивалентна, потому что именно «тощность» рабства и определяет формы «дикости» барства. Это значение отсутствует в словаре языка Пушкина, но тем не менее оно оказывается идеологически крайне актуальным для развития русской просветительской мысли и тех идей либерализма, в контексте которых показываются самые разные лица.

Когда речь идет о непопулярных решениях и о всякий раз возникающей проблеме вертикали власти, вызывающей самые различные толки, то я думаю, что в русском языке, в русской культуре и в русской ментальности не случайно понятия «придворный», «дворянин» и «дворовый» представляют собой не просто однокоренные слова, но укорененные понятия. Об этом, мне кажется, стоит лишний раз напомнить только потому, что это, наверное, и есть самая главная загадка Фирса. Причем, может быть, не в его чеховском варианте, а в варианте Игоря Ильинского.

* * *

Александр Иванов в сознании современников оставался по преимуществу «автором одной картины». Получив после окончания Академии художеств право на продолжение учебы в Италии, он с 1830 г. оказался вне пределов России и возвратился на родину только к началу лета 1858 г. — за полтора месяца до своей кончины.

Как человека, занимавшего весьма обособленное положение в многонациональной колонии художников в Риме, подчеркнуто сторонившегося посещений назойливых русских путешественников, Иванова менее всего можно представить «отвлекающимся» на современные ему события — в том числе в его собственной стране. Его

желание «служить как <...> картиной, так и этюдами живым напутником в средоточии нашего отечества» (письмо великой княгине Марии Николаевне, 1838 г.) воспринимается как установка слишком идеальная или отвлеченная. Показательно, что определившийся к 1837 г. замысел «большой картины» посещает Иванова именно тогда, когда, по собственному признанию, его более всего влечет «в недра тихой умственной жизни».

После истечения срока «пансионерской» поездки финансовое положение художника было крайне нелегким. Четыре года этюдных поисков приводят к убеждению, что «по мере совершенствования труда удаляется <...> его окончание...». Вместе с тем о «старании окончить картину Явление в мир Мессии к концу года» А. Иванов напишет В. Жуковскому из Рима в марте 1841 г. (Русский архив. 1875. Кн. III. Вып. 11. С. 365. — *Л. Л.*). Убежденность в возможности скорого завершения замысленного им полотна и в дальнейшем давала право прибегать к просьбам о материальной помощи... На протяжении еще шестнадцати лет. Однако когда труд жизни будет представлен на суд публики, он не будет мыслиться автором как труд законченный...

«Здесь затеяли подписку для Иванова, — напишет Гоголю А. О. Смирнова (Россет) в мае 1846 г. <...>, — не худо бы собрать 6 000, это его обеспечит на два года <...>. Меня удивило, что государь, восхищаясь его картиной, не имел мысли ему помочь; вероятно, он забыл его в хлопотах путешествия и никто об нем не напомнил. Зачем у меня нет денег? Я так люблю Иванова и так дорожу его картиной» Письмо от 14 мая 1846 г. // Переписка Н. В. Гоголя. 1988. С. 187. О подробностях поездки императора см.: Император Николай I в Риме в 1845 году: Рассказ Н. А. Рамазанова / Сообщ. С. Н. Великанова // Русская старина. 1899. Т. С. № 10; 1901. Т. CVII. № 9. — *Л. Л.*). Через год Ивановым через посредничество Жуковского будут получены 3 000 рублей «из личных сумм» Государя Наследника. В поступке будущего российского императора художник увидит нечто большее, чем обычное меценатство: «тут еще важнее то, что Его Высочество вниманием Своим выкупает меня из сроков и других людских причуд...» (Русский архив. 1875. Кн. III. Вып. 11. С. 368. — *Л. Л.*).

Десять лет спустя, в 1858 г., картина Иванова будет куплена Александром II для Эрмитажа за 15 000 рублей и по его же распоряжению будет выставлена для публичного осмотра в одном из залов Зимнего дворца. Первое представление картины широкой аудитории приобретало вполне официальный характер.

С самого завершения коронационных торжеств, которые вступивший на престол Александр II отложил до окончания Крымской войны, русское общество жило ощущением готовящихся изменений. Ожидания оправдались вполне, когда в течение ноября — декабря 1857 г. были обнародованы Высочайшие рескрипты на имя губернаторов Виленского — Назимова, Петербургского — Игнатьева, губернатора Нижегородской губернии А. Н. Муравьева. Возможность обсуждения предполагавшихся мероприятий по крестьянскому вопросу подчеркивала, что правительство рассчитывало на поддержку реформ прогрессивно мыслящей частью общества. Об ответном отклике свидетельствует переписка будущих членов Редакционных комиссий А. И. Кошелева и кн. В. А. Черкасского. Их неудовлетворенность недавно подписанным Парижским миром и уступками во внешней политике оправдывались изменениями, наметившимися в политике внутренней: «Кесарь переступил через Рубикон...»

(Письмо от 20 декабря 1857 г. // Трубецкая О. Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского. 1901. Кн. I. С. 91–92. — Л. Л.). Заинтересованной части общества хотелось верить в необратимость обозначившихся тенденций (Письмо от 20 декабря 1857 г. // Трубецкая О. Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского. 1901. Кн. I. С. 91–92. — Л. Л.).

Вместе с тем внутренний баланс правительственных сил был хрупким и легко мог сместиться в сторону отказа от кардинальных решений. Показательны осторожные намеки дружески-наставительного письма И. С. Тургенева Герцену от 7 января 1858 г. из Рима: «Не брани, пожалуйста, Александра Николаевича, — а то его и без того жестоко бранят в Петербурге все реаки — за что же его эдак с двух сторон тужить — эдак он, пожалуй, и дух потеряет...» (Тургенев И. С. Письма. 1961. Т. III. С. 182. — Л. Л.).

Именно в этой социально напряженной обстановке картина Александра Иванова «Явление Христа народу» прибывает из Рима в Петербург. Сухой тон должностной переписки, непосредственно связанной с ее презентацией и активно порождавшейся в недрах Министерства Императорского двора, менее всего мог свидетельствовать о закулисных сторонах большой политики. «Начальнику 2-го Отделения Императорского Эрмитажа Г. Действительному Статскому Советнику Бруни. Г. Министр Императорского двора <...> уведомил, что Государь Император Высочайше повелеть изволил: картину работы художника Иванова, прибывшего на днях из Рима, выставить в Зимнем дворце, в одной из зал, по его избранию, и после осмотра этой картины Его Величество допустит публику видеть оную, на том же месте...» (Архив ГЭ. Оп. II. № 6 (1858). Л. 1. — Л. Л.).

Александр Иванов возвращается в Россию именно тогда, когда в развитии внутренних событий обнаружился очевидный перелом. Время было полно самых несбыточных ожиданий, повеяло чем-то новым. Его «историческая картина» оказывалась невольным иносказанием переживаемого обществом кануна преобразований.

«Все более или менее согласились называть нынешнее время переходным, — размышлял в “Авторской исповеди” Гоголь. — Все, более чем когда-либо прежде, ныне чувствуют, что мир в дороге, а не у пристани <...> Все чего-то ищет, ищет уже не вне, а внутри себя. Вопросы нравственные взяли перевес и над политическими, и над учеными, и над всякими другими вопросами» (Гоголь Н. В. П. с. с. Т. VIII. С. 455. — Л. Л.).

Творчество А. А. Иванова никогда не рассматривалось в контексте идей русского либерализма. Вместе с тем его «огромная работа» — не только поиск форм воплощения открывшейся идеи, сколько *его объяснение* идеи. Центральные фигуры переднего плана картины — патриций и раб, принимающие одно крещение. «Сквозь привычное страдание впервые появляется отрада», — скажет Иванов о замысле той ключевой фигуры, портретные поиски в отношении которой для него были столь напряженными. И именно поэтому 1858 г. станет для Александра Иванова возможностью раскрыть смысл полотна, который определялся для него два десятка лет «на перепутье из физических сил к духовным». С точки зрения раскрытия исторической психологии это было обращение к новым социальным основаниям христианской культуры. Картина, которая «собственной высотой возносит наши понятия и наши требования...» — скажет о ней А. Хомяков, предвосхищая идею сакральной общности —

«божественного социального», которое, по определению Э. Дюркгейма, выступает связующей силой любого общества.

Именно этот содержательный пафос может прояснить сегодня вопрос о том, какие обстоятельства «торопили художника [с возвращением] в Петербург»? В альбоме княгини Екатерины Алексеевны Черкасской сохранилось одно из последних писем Иванова. «...Вследствие изъявленного вами желания известить об окончании моей картины, я имею честь теперь писать к вам. Вы, конечно спросите: кончена ли картина? Я отвечаю: далеко не кончена. <...> Не стану распространяться об историческом ходе моей картины, чтоб не навести вам неприятностей...» (Русский архив. 1878. Кн. II. № 6. С. 271. — *Л. Л.*). Письмо полно недоговоренностей, однако вполне прочитываемым в контексте времени оказывалось авторское указание на «прекрасную будущность, которой основанием должна быть чистейшая нравственность...» (Там же. С. 272. — *Л. Л.*). Это был непосредственный выход к тому кругу разгоревшейся в обществе полемики, в которой люди, составлявшие ближайшее окружение кн. Черкасской, займут самую определенную позицию.

Возможно, именно поэтому славянофилы одними из первых оценили действительное значение творения Александра Иванова. «Случайность ли ... но чудное изображение того мгновения, когда Ветхий Завет преклонился перед Новым, грядущим в силе, является у нас в такое время, когда целое общество Русское ... стремится ввести в свою собственную жизнь начала практического христианства <...> Самая история картины может служить для нас многозначительным уроком...» (Русская беседа. 1858. Кн. III. С. 16–17. — *Л. Л.*).

Это заявление делается Хомяковым от «единомысленного кружка» лиц, «приступающего к великому общественному делу». «Странно: сколько лет ждали мы, чтобы он кончил свою картину, свою *одну* картину, и как-то мысль свыклась с тем, что одна только и будет картина от него, и многие даже наперед утверждали, что он кроме этой картины ничего не напишет; и так и сбылось. Одна только и будет картина Иванова. А он еще был и свеж, и крепок, и полон жара. Грустно!» (Русская беседа. 1858. Т. 3. С. 1. — *Л. Л.*) — напишет А. Хомяков в «Русской беседе». Факт появления этой публикации интересен не только в идейной судьбе А. Хомякова, но и в издательской судьбе крупнейшего славянофильского журнала. Заявления, сделанные печатно, при вполне программном их характере, не могли отразить полноты взглядов членов кружка. Несомненно, однако, что круг идей художника был предметом серьезного «внутреннего» обсуждения.

В славянофильских частных собраниях окажется и значительная часть подготовительных эскизов Иванова к «Явлению Христа» (об этом, в частности, свидетельствуют письма к П. М. Третьякову Д. А. Беклемишевой (ОР ГТГ. Д. 1/542); письма А. И. Кошелева (Там же. Д. 1/1766, Д. 1/1767), Ю. Ф. Самарина (Там же. Д. 1/3218). Славянофильские собрания ивановских эскизов можно считать самыми крупными после коллекций бр. Боткиных и К. Т. Солдатенкова. — *Л. Л.*).

В своих рукописных воспоминаниях П. И. Нерадовский будет вспоминать об официальной поездке в Москву с целью приобретения эскизов художника представительной делегации дирекции Музея русского искусства Александра III. Дочь известного славянофила М. А. Хомякова «...приняла нас, сидя в большом кресле, в комнате, где над диваном висел этюд А. Иванова, изображающий идущего Христа. Прием

нам был оказан подчеркнуто холодный, с некоторым высокомерием по отношению к великому князю (Георгию Михайловичу Романову — Л. Л.) и [гр. Д. И.] Толстому. Ясно сказывалось враждебность коренной москвички к Петербургу» (ОР ГРМ. Ф. 128. Ед. хр. 20. Л. 92. — Л. Л.).

Полвека назад спор российских столиц самым непосредственным образом подключался к напряженной дискуссии о способах решения крестьянского вопроса. В самом начале этой общественной полемики Александр Иванов успел сказать свое слово великого живописца.

«...Не то в знойный, не то в холодный, кислый июльский день, — вспоминает И. Тургенев, — встретил я Иванова на площади Зимнего дворца, в Петербурге, среди беспрестанно набегавших столбов той липкой сорной пыли, которая составляет одну из принадлежностей нашей северной столицы. Он с озабоченным видом отвечал на мое приветствие; он только что вышел из Эрмитажа; морской ветер крутил фалды его мундирного фрака; он шурился и придерживал двумя пальцами свою шляпу. Картина его уже была в Петербурге и начинала возбуждать невыгодные толки...» (Тургенев И. С. Литературные и житейские воспоминания. М.: Правда, 1987. С. 214. — Л. Л.).

Фрейлина Двора Анна Тютчева 10 июля 1858 г. отметит в дневнике: «Смерть художника Иванова, которую приписывают тому, что его картина имела так мало успеха» (Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневники. 1990. С. 269. — Л. Л.). «...А ведь уж против него были сильные интриги и, может быть, оскорбленное чувство сделало его восприимчивее к болезни. Мил Петербург, нечего сказать», — дополнит со своей стороны А. Хомяков в письме А. Кошелеву (Русский архив. 1879. № 11. С. 296. — Л. Л.). Славянофилы, таким образом, первыми положили начало легенде о непонятом и неоцененном обществе художнике. Вместе с тем они предложили и одну из интересных эстетических концепций его творчества. Значимым представляется не только то, что это был практически первый критический разбор. Это было самое непосредственное обращение к нравственным вопросам современной им российской жизни.

Публицистический смысл итогового полотна Александра Иванова не был принят последующей русской критикой в своей полноте. Позиционирование мнений не определялось ни по «партийному», ни по художественному принципу. Однако от первых оценок Н. В. Гоголя и Ф. Чижова, Герцена и Чернышевского к В. Стасову и В. Розанову отношение к его картине не могло быть внеличным. Даже тогда, когда автор претендовал на предельную степень объективности. «К сожалению, талант Иванова, направленный специально на библейскую живопись, не дал никакого национального произведения...» (Гнедич П. П. Всемирная история искусств. 1996. С. 484. — Л. Л.), — будет писать крупнейший историк изобразительных искусств П. П. Гнедич. «...Совершенно фальшивое направление. Все то же ивановско-штраусовское-ренановское отношение к Христу и религиозной живописи, — размышляли герои Л. Толстого, выражая его собственную критическую позицию.

— Что представляет картина? — спросила Анна.

— Христос перед Пилатом. <...> Я не понимаю, как они могут так грубо ошибаться <...> Если они хотят изображать не бога, а революционера или мудреца, то пусть

из истории берут Сократа, Франклина, Шарлотту Корде, но только не Христа...» (Толстой Л. Н. Анна Каренина. Ч V. Гл. 9. — *Л. Л.*).

Напоминанием об этом полвека спустя на стене дома в Трехпрудном переулке будет висеть фототипия знаменитого полотна: «в столовой — “Явление Христа народу”, с никогда не разрешенной загадкой совсем маленького и непонятно-близкого, совсем близкого и непонятно-маленького Христа» (Цветаева М. И. Проза. 1986. С. 332. — *Л. Л.*).

Эти размышления оказывались возможны лишь вне оценки той трагедии, которую Иванов с его картиной не смог пережить, возвратившись на родину. Итогом его жизненных размышлений был вопрос не «как?», а «о чем?».

*В. А. Соболев,
член Союза писателей
Санкт-Петербурга,
член Союза журналистов
Санкт-Петербурга,
лауреат Государственной премии*

Рабство и барство: друзья или антиподы?

В писаной концепции семинара я заметил одну замечательную ошибку. Читаем на последней странице: «Международном годе борьбы против рабства и его отмены...» Вот так и на нашем собрании одни решительно выступают против самого рабства, другие — недоумевают по поводу его отмены.

Сам я противник крепостного права, поскольку в жизни столкнулся с несколькими его проявлениями. Так, на заводе, куда распределился после института, директор негласным распоряжением запретил отпускать рабочих со сборки. На финальных операциях работали лучшие слесари. Они зарабатывали очень неплохо по нашим тогдашним меркам — семидесятые годы, но тяготились постоянными сверхурочными. Чтобы удержать работников, им объявили — со сборочного участка только за проходную. Наверное, многих бы не остановило и это, но директора всех заводов Кировского района заключили устное соглашение: не принимать на работу уволившихся с предприятий-соседей. То есть никакого Юрьева дня. Хочешь поискать лучшей жизни — будешь тратить полтора часа на дорогу в один конец!.. Документов, конечно, таких никогда не было, но рабочие, с которыми я разговаривал, утверждали это определенно...

Такое стремление закрепить работника, привязать его насильно к рабочему месту, к сожалению, нельзя убрать одним декретом 1861 г. Так работать удобно. Начальнику проще не убедить, а приказать. Командная манера управления придумана не коммунистами. Она — следствие крепостного права, отрывка барства наших крепостников.

Когда мы говорим о крепостничестве, то вспоминаем прежде всего о крестьянах. Но ведь и дворяне тоже участвовали в социальных процессах. Коллега А. Грякалов упоминал о сакральном единстве помещика и крестьянина. Что ж — посмотрите, как даже в звучании соседствуют два понятия: рабство и барство.

«Спасите себя от крепостного права...» — заклинал свое сословие А. И. Герцен. Прежде всего он имел в виду возможные крестьянские возмущения. Но отчасти и — летаргию, в которую погружалось дворянство.

Лев Толстой в «Анне Каренине» описывает продажу леса Облонским. Он соглашается на первую же цену, предложенную купцом. Левин возмущается, а Стива только пожимает плечами — не буду же я торговаться. Да, кричит ему приятель и родственник, ты не будешь, а он будет! И у его детей будут деньги на образование, а у твоих — нет.... У Облонского уже нет крепостных, но осталась привычка к барству.

Толстой, конечно же, знал о крепостном праве. Коллега А. Мелихов здесь несколько сгущает краски. Но эти отношения занимали графа только с одной стороны. Еще отбиваясь от претензий к «Войне и миру», он писал, что мужики и купцы его не интересуют. Он — дворянин по рождению, аристократ. В этой среде проходит его жизнь, о ней он и рассказывает...

Барская привычка *знать* людей на работу мешает нашей жизни до сих пор. Основная беда России — не умеем организовать производство. Приказать проще, но мы не считаем потери... Достоевский в «Записках из Мертвого дома» приводит любопытный пример. Команда каторжан разбирает барку. Работа идет плохо, инструмент валится из рук, доски обшивки ломаются. Наконец надзиратель задает заключенным «урок». Работа не по времени, а по сделанному: пройдете от сюда и до сюда, можно и на обед. Работники повеселели, и дело пошло. Задание было изрядным, выиграли каторжане не более получаса, но — понимали, что они делали и зачем.

К сожалению, и тогда подобных начальников было немного, и сейчас они, увы, не составляют большинства. Прошло полтора века, но система изменилась мало. Времена меняются, а люди нет. Даже в частных предприятиях управляющие предпочитают орудовать кнутом, а не пряником. А вспомним, книгу, которую пишет все тот же герой Толстого. Зимой Левин сочиняет труд о национальных особенностях русского работника. Он считает, что нельзя бездумно перенимать методы европейского хозяйствования. Но и не описывает нашего крестьянина человеком безнадежно пропавшим.

Наши менеджеры заменили бы все сочинение Левина одним словом — лень. Все их методы управления сводятся к двум приемам — тычок и пинок. Свою неспособность думать они оправдывают чужим нежеланием делать. Мол, какой там оброк! Выгнать бы этих дармоедов на барщину!.. Сейчас мы собрались на семинар, посвященный отмене крепостного права. Не пришлось бы через несколько лет говорить о его новом пришествии...

Что же касается вопроса о коллективных иллюзиях, поднятого коллегой А. Мелиховым, то мне кажется, что роль коллективных иллюзий в любом социальном процессе изрядная, но не уверен, что отвечает за них художественная литература. Читатели «Антон Горемыки» составляли весьма небольшую часть тогдашнего образованного общества. Генералы П. Д. Киселев и Я. И. Ростовцев, занимавшиеся крестьянским вопросом, читали более серьезные книги. Это ведь только в XX в. писатель стал синонимом беллетриста. Идеологические фантомы, вне всякого сомнения, существуют и оказывают сильное влияние на жизнь общества, но создают их не литераторы. Откуда же они появляются — вопрос для серьезного исследования. Может быть, это тема уже для другого семинара.

*В. Е. Черва,
кандидат культурологии,
доцент кафедры художественной
культуры Российского государственного
педагогического университета
им. А. И. Герцена*

Понятие «свобода» в жизни русского крестьянства

Говоря о рабстве, нужно отметить, что в русской общественной мысли акцент всегда делался, скорее, не на понятие «рабство», а на оппозиционное рабству — «свобода». Однако этим словом оперировали в основном просвещенные слои русского общества, для крестьянина это слово оставалось весьма расплывчатым. Интеллигенция мыслила свободу для народа как отмену крепостного права.

Первое в русской общественно-политической мысли XIX в. развернутое обоснование необходимости ликвидации крепостного права было сделано в диссертации А. С. Кайсарова «Об освобождении крепостных в России», защищенной в 1806 г. в Геттингенском университете. Война 1812 г. породила надежду и справедливое ожидание того, что народ, выигравший войну с Наполеоном, не должен принадлежать никому, кроме самого себя. Однако отмечу, что мысли эти принадлежали, скорее, просвещенным высшим кругам русского общества (в первую очередь декабристам), которые, думая о народе, мыслили все преобразования для народа, но без его участия. Именно поэтому они не были поддержаны самим народом. В отличие от декабристов, разночинцы-демократы считали, что невозможно добиться свободы для народа без участия самого народа (программы по вовлечению крестьянства в экономическую и политическую борьбу М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова и др.).

Что же такое свобода? Что можно считать свободой для русского крестьянина? Если говорить о личной свободе, то уже в 1803 г. вышел закон «О вольных хлебопашцах», по которому помещики получили право отпускать на волю крестьян целыми именьями, наделив землей. А в 1804–1805 гг. началась отмена крепостного права в Латвии и Эстонии (т. е. на окраинах Российской империи), где крестьяне могли стать лично свободными, но без земли, которую они должны были арендовать у помещика за барщину, оброк. Однако сами крестьяне не стремились к свободе, так как плохо себе представляли, что это такое, поэтому за 20 лет после Указа волю получили всего 0,3% крепостных (47 тыс. человек). Позже, в 1828–1829 гг., Николай I объявил крестьян Молдавии и Валахии лично свободными, при этом были точно определены их повинности в отношении помещиков. Это была первая попытка государства определить правовые нормы в отношении крестьян. И хотя, по сути, данная мера ничего не меняла ни в отношениях крестьянина и помещика, ни в правах на землю, она была воспринята самим крестьянством как забота «царя-батюшки» о своих подданных, попытке защитить их от барского гнета.

Манифест 19 февраля 1861 г. ликвидировал власть помещика над личностью крестьянина. Крестьяне становились юридическими лицами. Чтобы получить паспорт, то есть стать свободным от помещика, крестьянин должен был получить сначала справку у старосты о том, что у него нет недоимок и уплачены все налоги, лишь после этого волостное управление выдавало паспорт. Однако далеко не все крестьяне могли уплатить внушительную сумму денег, поэтому попадали в зависимость к помещику, даже формально имея право на свободу. Таким образом, можно говорить о том, что полное личное освобождение русское крестьянство получило только на бумаге.

Непосредственно связана с пониманием личной свободы и проблема коллективного владения землей, ведь русский народ всегда жил общиной, именно она не только определяла весь уклад крестьянской жизни, но и владела землей. Нужна ли крестьянину личная свобода? Можно ли считать, что община изжила себя, стала пережитком феодального мира? В 1856–1859 гг., т. е. в преддверии реформы, с большим накалом страстей прошла дискуссия о судьбе крестьянской общины, которая широко освещалась в печати. Многие революционеры-демократы 60–70-х гг. признавали значимость общины, а иногда даже определяли ее наличие как ключевой фактор для устройства «светлого будущего». Так, М. А. Бакунин считал, что в крестьянском сознании существуют идеалы принадлежности земли всему народу, а значит, нужно следовать этим идеалам, чтобы быть понятыми крестьянством. Н. Г. Чернышевский мыслил общину зародышем будущего социалистического общества и также выступал за ее защиту.

Таким образом, уже община выступает объектом для получения свободы. Однако и для крестьянина, и для общины для получения свободы неременным условием является владение землей. Свободным экономически крестьянин мог стать, только получив землю. Но в этом плане и реформа 1861 г. не дала ожидаемых результатов — земля так и осталась у помещика, крестьянин же должен был выкупить ее, а за недостатком средств вынужден был арендовать у помещика за оброк или барщину. Причем государство «помогало» крестьянину выкупить себя из рабства — сами крестьяне должны были заплатить только 20 % от всей суммы выкупа, остальные 80% выплачивало государство с тем, чтобы крестьянин смог отдать долг государ-

К. Савицкий. Спор на меже. 1897

ству в течение 49 лет из расчета 6% годовых. Однако вряд ли простому русскому крестьянину был понятен такой шаг: он плохо разбирался в сути банковского кредитования, зато хорошо понимал, что земли он так и не получил, из-под власти помещика не освободился.

Столь долго ожидавшаяся и столь бурно обсуждавшаяся реформа, произошедшая, на мой взгляд, слишком поздно, лишь травмировала русское общество. И если ранее можно было говорить о том, что только высшие сословия радели за благо народа, то теперь и само крестьянство, возмущенное условиями выкупа из-под власти помещика, взбунтовалось. За первые шесть месяцев 1861 г. произошло 1340 массовых крестьянских волнений, а всего за год — 1859. Наибольший размах крестьянские волнения приобрели в центрально-черноземных губерниях, в Поволжье и на Украине. Более половины из них было усмирено силами армии. Однако экономическая свобода так и не была достигнута, а отмена выкупных платежей была отменена только в 1906 г.

Другим видом свободы, необходимым крестьянству так же, как и всем слоям русского общества, можно назвать политическую свободу. В освещении этого вопроса в русской общественно-политической мысли звучат пессимистические нотки. На мой взгляд, абсолютно верно утверждение Г. П. Федотова о том, что «весь драматизм российской политической ситуации выражается в следующей формуле: политическая свобода в России может быть только привилегией дворянства и европеизированных слоев (интеллигенции). Народ в ней не нуждается, более того, ее боится, ибо видит в самодержавии лучшую защиту от притеснений господ. Освобождение крестьян само по себе не решало вопроса, ибо миллионы безграмотных, живущих в средневековом быте и сознании граждан не могли строить новую европеизированную Россию» (Россия и свобода. 1945).

*Л. Попов. Вставай, подымайся!
(В деревне). 1906*

По-видимому, требовалось нечто большее, чем просто дать политическую свободу крестьянству — нужно было подготовить его к этой свободе. Для того чтобы возникла необходимость в политической свободе для самого крестьянина, нужно, чтобы народ стал настолько «сознательным», чтобы сражаться за свою свободу, нужно подготовить почву, за что и взялись разночинцы-демократы. Хорошо известно выражение «хождение в народ», принадлежащее Бакунину, которое выражает смысл деятельности целого поколения разночинцев-демократов. В первую очередь они заговорили о том, без чего крестьянин не мыслит своей свободы — о земле.

Недаром многие революционные подпольные организации называются словами, понятными народу: в конце 1861 г. появляется «Земля и воля», в 1869-м — «Народная расправа», в конце 1870-х гг. — «Народная воля», «Черный передел». Во-вторых, свобода мыслится крестьянами как свобода от бар, а не от царя, поэтому, по мнению революционеров, нужно всего лишь направить недовольство помещиками в нужное революционное русло, разбудив или воспитав в русском народе стремление к свободе. В-третьих, как уже говорилось выше, русский крестьянин плохо понимает слово «свобода» (по мнению Федотова, лишь перевод французского *liberté*), ему ближе «воля», а воля для русского человека это не только собственная личная, экономическая или политическая независимость, но и право делать как хочется. Может быть, именно поэтому крестьянин переходит от полной пассивности (вспомним высказывание П. Н. Ткачева: «Вековое рабство, вековой гнет приучили его к тому терпению и бессловесному послушанию; развили в нем рабские инстинкты, самые возмутительные насилия не в состоянии расшевелить его притупленные нервы») к немислимому беспределу, когда «под горячую руку» взбунтовавшегося народа попадают не только самые жестокие помещики, но и люди, сочувствовавшие этому народу, всю жизнь ему помогавшие.

По сути, весь XIX в. в России прошел под знаком борьбы за свободу народа. Но вот наступил век XX, и стало ясно, что реформа, которая мыслилась как путь к свободе русского народа, привела не к долгожданной свободе, а к революции 1917 г. Однако крестьяне, принимавшие участие в этой революции, даже не предполагали, что весьма скоро они попадут в кабальную зависимость теперь уже не к помещикам, а к созданным новым строем колхозам. Действительно, можно говорить о том, что в сталинские времена в России было восстановлено крепостное право, т. к. крестьянин опять потерял личную свободу — он не мог уйти из колхоза куда и когда ему захочется, поскольку не имел паспорта. Да и в наше время вопрос о свободе, эконо-

мической независимости крестьянина стоит очень остро: все та же проблема с покупкой земли, все то же глухое сопротивление окружающих. Таким образом, проблема крепостного права и борьбы с ним до сих пор остается ключевой для русского народа.

В. Кавторин

Российские реформы вчера и сегодня

Сожалею, что текст Александра Мелихова прозвучал довольно поздно, поскольку он ставит необыкновенно важную проблему. В самом деле, коллективные фантомы играют в истории чрезвычайно большую роль. Иногда они сильнее конкретных политических и экономических обстоятельств, хотя, может быть, и не всегда. Моя точка зрения состоит в том, что это не вполне фантомы, потому что они возникают под воздействием реальных обстоятельств.

Здесь говорилось о том, что существовало некое сакральное единство между помещиком и крестьянином. Правильно, оно существовало, и не радикалы проводили реформу. Как раз люди, проводившие реформу, исходили из этого сакрального единства. Если на крестьянском уровне оно выражалось в известной формуле «мы ваши, но земля-то наша» (хотя земля уже более полувека была в частной собственности помещика, и это было закреплено на законодательном уровне), то творцы реформы

первоначально исходили из другой стороны этого коллективного фантома. Они пытались рассматривать имение как некий крестьянско-помещичий кондоминиум. Это и Ю. Ф. Самарин, и В. А. Черкасский, и Н. А. Милютин, и П. П. Семенов-Тянь-Шанский, исходившие именно из этих представлений, но реальность эти представления разрушила. Большинство дворянских комитетов не было согласно на передачу земли, поэтому как раз та реформа, которая была проведена, представляла собой почти идеальный компромисс. И здесь я совершенно согласен с Ф. Лурье.

Но даже в таком достаточно мягком варианте расставание с сакральными фантомами всегда очень болезненно. И то, что проходило в дальнейшем (имеется в виду формирование революционного движения), по сути дела, выражало боль расставания с многовековыми фантомами. Хотя авторы реформы рассматривали сохране-

*Дмитрий Алексеевич Милютин
(1816 — 1912)*

ние общины как временную меру, и комиссия в 1881 г. выступала фактически за отмену общины, за введение внесословного полицейского управления, она все-таки была сохранена, и в ней сохранились все рабские черты нашего сознания.

Дело в том, что российские реформы, даже если они прекрасно задуманы и тщательно проработаны, необыкновенно робки в исполнении. Наша привычка к чрезвычайной государственности вызывает почти мгновенный откат. И мы с вами присутствуем при очередном таком откате, и я очень благодарен тем, кто высказал мнение, что мы еще можем присутствовать и при возрождении крепостного права.

С. Чебанов

Крепостное право: история или фантом?

Хотя мы обсуждали события полуторавековой давности, они имеют к нам непосредственное отношение постольку, поскольку то, что сложилось тогда в 1860–70–80-е гг. в некотором смысле является источником тех социальных фантомов, которые существуют до сих пор. В ходе исторического процесса различные социальные группы в России изымались и вымывались из социума. Так, например, вымывалось помещичество. Дальше резкому уничтожению подверглись сословия духовенства и купечества, затем рабочие. И вот в 1990-е гг. ликвидировали благородное сословие — интеллигенцию. Поэтому в сегодняшней истории карты, которые тогда были розданы, уже не играют.

М. Свердлов

История крепостного права между историческим материализмом и идеологией

Нынешнее наше заседание было очень интересным и полезным, говорю это совершенно искренне. Раскрылось множество мнений, множество подходов. Но, должен сознаться, что я в некоторой растерянности, потому что здесь выступали, с одной стороны, историки-профессионалы и, с другой стороны, литературоведы, занимающиеся уже духовной сферой, и писатели, живущие в другой реальности, в реальности созданного ими мира. Поэтому, когда это соберется в сборник, что из этого получится?

С каких позиций писать: исходя из позиций исторического материализма или исходя из этих идеологов? Я не буду исходить из идеологов. И приведу яркий пример. М. П. Погодин, будучи сам из разночинцев, пишет своему приятелю-помещику, мол, будет у тебя в деревне барщина, ты обязательно пойдешь, чтобы тебя видели крестьяне, чтобы они чувствовали, что вы что-то вместе представляете. А вы говорите — «сакральное единство».

Помещик — это помещик, а крепостной крестьянин — это крепостной крестьянин, который несет свою повинность, который ходит на барщину и оброки платит. Это другой мир, мир реальный.

Поэтому, что мы должны анализировать? Видимо, становление крепостничества как определенной формы рабства, реальное содержание крепостничества и его завершение.

Д. Спивак

Заключительное слово

Большое спасибо всем за участие. Наша дискуссия выявила разнообразие точек зрения на исторические корни крепостного права в России, эффективность мероприятий по его отмене, историко-психологические остатки существования многовекового крепостного права на значительной части территории нашей страны, целесообразность учета опыта «великих реформ» при проведении преобразований современного российского социума. В то же время я рад отметить, что все содержание дискуссии прошло в конструктивном и трансдисциплинарном ключе, с уважением к точкам зрения коллег и оппонентов, при всемерном внимании к проблеме соблюдения прав человека.

Следовательно, как сообщения, так и общий ход их обсуждения соответствовали как традициям отечественной интеллигенции, так и общему духу международных организаций, побудивших нас к проведению настоящего семинара. Напомню, что он был проведен, как, по всей видимости, последнее мероприятие из многих дискуссий, презентаций и общественных форумов, организованных в ряде стран мира на всех континентах в рамках Международного года борьбы против рабства и его отмены, а также проекта ЮНЕСКО «Невольничьи пути». В заключение разрешите выразить искреннюю благодарность за всестороннюю помощь в организации семинара программному специалисту по культуре Московского бюро ЮНЕСКО Л. М. Моревой, а также ведущему специалисту Комитета по внешним связям и туризму Санкт-Петербурга Н. В. Струговой.

На этом позвольте объявить наш семинар закрытым.

Приложение 1

Радиосериал «Крепостное право и его отмена: история и современность»

Радиосериал «Крепостное право и его отмена: история и современность» был проведен под эгидой ЮНЕСКО в декабре 2004 г. — январе 2005 г. на базе ведущей на городском уровне радиостанции «Радио Петербург». Сериал представлял собой радиовersion однодневного семинара «Крепостное право и его отмена: история и современность», который прошел 17 декабря 2004 г. в Санкт-Петербурге в рамках Международного года, посвященного решением Генеральной Ассамблеи ООН борьбе против рабства и его отмене, в общем контексте проекта «Невольничьи пути», инициированного ЮНЕСКО в 1993 г., при организационной и методической поддержке Московского бюро ЮНЕСКО.

В качестве ведущего сериала выступил доктор философских наук, профессор Петербургского государственного университета, Российского государственного Педагогического университета и петербургской Православной духовной академии

Участники радиосериала Ф. М. Лурье, В. Г. Чернуха (слева направо)

А. Л. Вассоевич. Радиосериал состоял из трех 53-минутных передач и вызвал большой интерес как специалистов, так и широкой аудитории радиослушателей. При разработке концепции сериала решено было с целью обеспечения актуальности затрагиваемой тематики и живости дискуссии приглашать одного основного дискуссанта из числа авторитетных представителей академической среды, а другого — из творческой.

В первой передаче радиосериала, выпущенной в эфир менее чем через десять дней после проведения семинара в Смольном, приняли участие директор петербургского отделения Российского института культурологии (РИК), профессор кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога Д. Л. Спивак, профессор, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге Б. Н. Миронов, член Союза писателей Санкт-Петербурга В. В. Кавторин, а также научный сотрудник петербургского отделения Российского института культурологии Е. В. Луняев.

В выступлении Д. Л. Спивака были очерчены идеалы, руководившие ООН при провозглашении 2004 г. Международным годом борьбы против рабства и его отмены, а также общий ход составивших его мероприятий в разных странах мира. Особое место было уделено и более общему контексту проекта «Невольничьи пути», инициированного ЮНЕСКО в 1993 г., который внутренне связан с Международным годом борьбы против рабства. Профессор Б. Н. Миронов остановился как на общих чертах крепостничества, так и на дискуссионных проблемах в его понимании.

Писатель В. В. Кавторин остановил внимание слушателей на глубокой укорененности некоторых установок, восходящих к крепостному строю, в массовой психологии современных россиян. Культуролог Е. В. Луняев акцентировал плодотворность контактов между представителями разных профессий, специализаций и научных школ. Ведущий, профессор А. Л. Вассоевич, активно координировал дискуссию, уделяя особое внимание важной для массового радиослушателя связи обсуждаемых проблем с современностью в условиях посткоммунистического общества.

Во второй передаче основное место было уделено живой дискуссии между членом Союза писателей Санкт-Петербурга, заместителем главного редактора журнала «Нева» А. М. Мелиховым, и ведущим научным сотрудником Санкт-Петербургского филиала Института истории Российской академии наук, профессором кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена М. Б. Свердловым. Первый из дискуссантов привел доводы в пользу наличия элементов исторической конструктивности в крепостном праве и роли «коллективных фантомов» в его поддержании, второй защищал утвердившиеся в академической науке представления об исторической регрессивности крепостничества и его закономерной связи с социально-экономическими процессами.

В заключительной, третьей, части радиосериала приняли участие Д. Л. Спивак, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН В. Г. Чернуха, член Союза писателей Санкт-Петербурга Ф. М. Лурье, а также ведущий специалист Комитета по внешним связям и туризму Администрации Санкт-Петербурга Н. В. Стругова.

В своем выступлении историк В. Г. Чернуха отметила прагматичность, оперативность и радикальность реформы, что было связано как с недостатком средств на ее проведение, так и с учетом опыта проведения аналогичной реформы в прибалтийском крае. Писатель Ф. М. Лурье подчеркнул, что реформа была капитально проработана как в отношении юридического обеспечения, так и организационных мер.

Культуролог Д. Л. Спивак напомнил о более широком социокультурном контексте отмены крепостного права в России — прежде всего, всемерной ориентации на аналогичные меры, предпринятые в Пруссии полувеком раньше под руководством Штейна и Гарденберга. Историк и политический психолог А. Л. Вассоевич сопоставил то, как отразились в массовом сознании своего времени реформа 1862 г. и либерально-демократические реформы 1991–1993 гг.

В заключении передачи с приветствием от имени Администрации Санкт-Петербурга выступила Н. В. Стругова. Подчеркнув важность для города систематического сотрудничества с ООН, ЮНЕСКО и другими международными организациями, она сослалась в качестве позитивного примера на успешное проведение еще одной программы — «Европейские маршруты в Петербурге», поддержанной Представительством Европейской комиссии в России.

Приложение 2

Базовая информация о проекте ЮНЕСКО «Невольничьи пути» (1994–2004)*

Проект «Невольничьи пути» был утвержден решением 27-й сессии Генеральной Ассамблеи ЮНЕСКО в 1993 г. (27 С / Резолюция 3.13). Он был поддержан решением 56-й сессии Организации африканского единства (ОАЕ) в Дакаре. Проект был официально открыт в Уида (Бенин) в 1994 г., на 1-й сессии Международного научного комитета.

Тремя основными задачами проекта «Невольничьи пути» являются:

- прервать завесу молчания, которая окружает торговлю рабами по сей день, в то время как она принадлежит к аспектам истории человечества, которые не подлежат игнорированию;
- высветить наиболее объективным образом последствия таковой, иначе сказать, те изменения, которые произошли в глобальном масштабе, а прежде всего — в сфере взаимоотношений народов обеих Америк, а также регионов Карибского моря и Индийского океана;
- способствовать упрочению культуры терпимости и мирного сосуществования между народами.

В течение последних десяти лет проведение данного проекта способствовало упрочению научно-исследовательского сотрудничества, пристальному изучению устных традиций, разработке маршрутов культурного туризма, разработке концепций музеев рабства и большему пониманию культурных, художественных и технологических последствий работорговли. В дополнение к этому в рамках проекта «Невольничьи пути» была основана инновационная программа, посвященная изучению новых форм рабства. Помимо того, было инициировано изучение языковых, художественных и религиозных импликаций работорговли в указанных регионах, а также систематическая поддержка художественного творчества, тематически связанного с невольничьими путями.

Проведение данного проекта оказало широкое и многообразное воздействие на локальном, национальном, региональном, а также международном уровне. К числу важнейших достижений следует отнести следующее:

- в соответствии с решением 29-й сессии Генеральной Ассамблеи ЮНЕСКО 23 августа каждого года решено объявить Международным днем памяти работорговли и ее прекращения, который проводится в большинстве государств — членов ЮНЕСКО;
- создано более 15 проектов научно-исследовательского сотрудничества, сосредоточенных на разработке следующей тематики:
 - «Работорговля в нигерийском хинтерланде (1650–1900)»;
 - «Идеологические и юридические основания рабства и работорговли»;

* Официальные документы по данному проекту представлены на сайте «The Slave Route» портала ЮНЕСКО «Культура» (<http://portal.unesco.org/culture>).

- «Мемориальные комплексы и памятные места духовного наследия в португальязычных регионах и странах Карибского моря»;
- «Дiaspora: языки и формы художественного выражения»;
- «Рабство и афро-американские религии»;
- «Рабство, экономика и труд»;
- «Маруны и формы сопротивления»;
- «Последствия работорговли в Сенегамбии»;
- «Рабство в Средиземноморье»;
- «Культуры банту на американском континенте и в Карибском регионе: языки, религии и общество»;
- «Документальные источники: архивы, устные традиции»;
- «Иконография»;
- «Рабство и общество»;
- «Рабство и межкультурное взаимодействие»;
- «Наземная и подводная археология: рабство и археология»;
- «Религии и рабство», «Женщины и рабство» (по линии кафедр ЮНЕСКО);
- привлечение более 7500 школ в 170 странах при посредстве сети школ, ассоциированных с ЮНЕСКО, к преподаванию курса «Прекращая молчание», посвященного трансатлантической работорговле;
- ревизии текстов школьных учебников и развитие межкультурного образования;
- расширение доступа к архивам, касающимся работорговли, а также привлечение общественного внимания и поддержки к их содержанию;
- сохранение устных традиций, имеющих отношение к работорговле и рабству, посредством их собирания, кодификации и публикации;
- установление и кодификация памятных мест, создание музеев рабства и работорговли;
- совместная декларация ЮНЕСКО и ВТО, посвященная культурному туризму, связанному с «невольничьими путями»;
- активизация освещения тем рабства и работорговли в средствах массовой информации;
- поддержка художественных проектов и фестивалей, посвященных тематике рабства и работорговли;
- организация общественных дискуссий, посвященных проблемам рабства и работорговли;
- содействие осознанию своих исторических корней, в особенности в сообществах афро-американского происхождения.

В качестве наиболее важного достижения проекта «Невольничьи пути» рассматривается признание рабства и работорговли «преступлением против человечности» на Всемирной конференции по расизму, расовой дискриминации, ксенофобии и терпимости, связанной с ними, в Дурбане (2001).

Как следствие, на основании Дурбанской декларации в плане подготовки к празднованию двухсотлетия образования первой республики восставших рабов на Гаити, а также десятилетия проекта «Невольничьи пути» Генеральная Ассамблея ООН

провозгласила 2004 г. «Международным годом, посвященным борьбе против рабства и его отмене».

По мере продвижения проекта ЮНЕСКО «Невольничьи пути» в течение последних десяти лет по базовым направлениям, перечисленным выше, цели проекта расширялись, включая новые предметные области и географические регионы, ранее не рассматривавшиеся в данном аспекте. Вследствие этого решено было пересмотреть содержание проекта, прежде всего, с целью оценить пути и методы повышения его эффективности и значимости. В результате этого процесса, проходящего в настоящее время, предполагается определить новые приоритеты, новые области активности и новые партнерские ассоциации, которые могли бы способствовать продвижению данного проекта, прежде всего в 2007 г.

Ключевым на сегодняшний день представляется продление того импульса, «момента движения», который проект приобрел в ходе последних десяти лет, прежде всего в рамках Международного года, посвященного решением Генеральной Ассамблеи ООН борьбе против рабства и его отмене (2004). Пришло время для оперативной оценки того, что сделано, и того, что предстоит сделать.

В качестве приоритетов на 2005 г. установлены:

- расширение усилий стран — членов ЮНЕСКО, направленных на проведение 23 августа Международного дня памяти работорговли и ее прекращения, а также подведения итогов Международного года;
- углубление проекта «Невольничьи пути» и его расширение на исследование проблем рабства и его отмены в других регионах (страны Индийского океана, Средиземного моря, Черной (Транссахарской) Африки, и пр.);
- специальное изучение связей между рабством, работорговлей и современным расизмом;
- исследование современных форм рабовладения в сотрудничестве с МОП, ЮНИСЕФ и разработка соответствующей базы данных. Важной задачей представляется привлечение общественного внимания к проекту при помощи средств массовой информации и форумов различного формата, в особенности принимая во внимание современное звучание темы, касающееся различных форм дискриминации, существующих в современном мире (сексуальное рабство, принудительный детский труд);
- изучение взаимоотношений, связывающих рабство и культурное многообразие (например, кросс-бридинг, мультилингвизм, креолизация, кулинарию, одежду и т. д.), специфические черты материального и духовного наследия, передачу знаний, умений и навыков из Африки в Новый Свет);
- создание биографического словаря африканских рабов с перспективой дигитализации данных по рабам, основываясь на базе данных, составление которой уже начато в Табмен-Центре, Университет Йорка;
- сбор и обобщение документов о «среднем пути», включая все доступные документы, касающиеся перевозок рабов, с целью установления всех точек в Африке, откуда людей вывозили, и всех точек в Америке, куда они попадали;
- изучение описаний и иллюстративного материала, касающегося поработанных народов, с целью документировать формы, в которых облик африканцев и других неевропейских народов передавался в искусстве и народной культуре;

- организация региональных конференций и семинаров по истории работорговли и отмене рабства, а также связанных с работорговлей форм переселения, наносившего ущерб местным культурам, с целью формирования международного общественного мнения по этим вопросам;
- разработка проекта по воздействию рабства на культуры стран первоначального и конечного проживания;
- проведение исследования того, какое влияние было оказано рабством, с одной стороны, на установки и поведение потомков рабов, и аборигенного населения — с другой;
- проведение сравнительно-сопоставительного исследования трансатлантической работорговли и рабства, с одной стороны, и современных форм рабства, порабощения и эксплуатации — с другой;
- оказание поддержки обучению студентов из стран африканской диаспоры, а также обменов между странами, принадлежащими этой диаспоре, включая профессоров и аспирантов из стран, не принадлежащих Европе и Северной Америке;
- инициирование программ исторического, археологического и лингвистического изучения с конечной целью разработки образовательных программ и учебных пособий для образования на всех уровнях;
- создание содружества исследователей, проводящих изучение философских, политических, юридических, культурных и социальных размерностей рабства;
- публикация монографий, посвященных деятельности великих деятелей аболиционизма;
- организация курсов усовершенствования учителей с целью установления и интерпретации фактов, способствующих пониманию как работорговли и отмены рабства, так и современных форм такового;
- всемерно способствовать включению в Перечень мирового наследия тех памятных мест и мемориальных комплексов, которые соответствуют критерию «исключительная ценность», а также созданию серии путеводителей по музеям и памятным местам, посвященных как исторической памяти, так и будущему.

Базовая библиография

Власть и реформы в России

1. Бердинских В. А. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001.
2. Власть и реформы: от самодержавия к современной России / Отв. ред. Б. В. Ананьич. СПб., 1996.
3. Империя и либералы. СПб., 2001.
4. Каспэ С. Н. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001.

«Великие реформы» 1860–1870-х гг.

1. Бюрократия и Великие реформы в России (1860–1870-е гг.). Современная англо-американская историография / Отв. ред. В. М. Шевырин. М., 1996.
2. Великие реформы 60-х гг. в их прошлом и настоящем / Ред. И. В. Гессен, А. И. Каминка. СПб., 1905.
3. Великие реформы в России / Ред. Л. Г. Захарова, Б. Эклоф, Дж. Бушнелл. М., 1992.
4. Реформы Александра II: Законодательные акты / Сост. О. И. Чистяков, Т. Е. Новицкая. М., 1998.
5. Russia's Great Reforms: 1856–1874 / Ed. В. Eklof et al. Bloomington, Indianapolis, 1994.

Крестьянская реформа

1. Бурдина О. Н. Крестьяне-дарственники в России 1861–1907 гг. М., 1996.
2. Великая реформа 19 февраля. 1861–1911 годы. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание в 6 томах / Ред. А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов, В. И. Пичета. М., 1911.
3. Документы по истории крестьянской общины 1861–1880 гг. М., 1983.
4. Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года. М., 1958.
5. Кавелин К. Д. Дворянство и освобождение крестьян. Берлин, 1862.
6. Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр 1861–1895 г. М., 1972.
7. Россия. Главный комитет по крестьянскому делу. Журналы Главного комитета по крестьянскому делу. СПб., 1861.
8. Россия. Редакционные комиссии для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. СПб., 1860.

9. Федоров В. А. Падение крепостного права в России. Документы и материалы. Вып. 1. М., 1966.

Персоналии

1. Алексей Михайлович Унковский (1828–1893). М., 1979.
2. Главные деятели освобождения крестьян / Ред. С. А. Венгеров. СПб, 1903.
3. Bruce Lincoln W., Miliutin N. An Enlightened Russian Bureaucrat. Newtonville (Mass.), 1977.

Крестьянская реформа в губерниях

1. Агаян Ц. П. Крестьянская реформа в Азербайджане в 1870 г. Баку, 1956.
2. Берозов Б. П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1979.
3. Бородавкин А. П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972.
4. Будаев Д. И. Крестьянская реформа 1861 г. в Смоленской губернии (к вопросу о реализации «Положений 19 февраля»). Смоленск, 1967.
5. Горовой Ф. С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961.
6. Гросул Я. С., Будаки И. Г. Крестьянская реформа 60–70-х гг. XIX века в Бессарабии. Кишинев, 1956.
7. Давлетбаев Б. С. Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. М., 1983.
8. Кащенко С. Г. 19 февраля 1861 г. в Санкт-Петербургской губернии. Л., 1990.
9. Кащенко С. Г. Отмена крепостного права в Псковской губернии: Опыт компьютерного анализа условий реализации крестьянской реформы 19 февраля 1861 г. СПб., 1996.
10. Кащенко С. Г. Реформа 19 февраля 1861 г. на Северо-Западе России. Количественный анализ массовых источников. М., 1995.
11. Кильмьяшкин А. Е. Мордовия в реформе 1861 г. М.; Саранск, 2000.
12. Крикунов В. П. Крестьянская реформа в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1949.
13. Крутиков В. И. Отмена крепостного права в Тульской губернии. Тула, 1956.
14. Мулявичус Л. П. Проведение крестьянской реформы 1861 г. в Литве / АКД. Вильнюс, 1964.
15. Отмена крепостного права на Украине. Сборник документов и материалов. Киев, 1961.
16. Саратовская губерния в годы первой крестьянской революционной ситуации, подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г. Саратов, 1984.
17. Топчий А. Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899). Томск, 1979.
18. Утурашвили И. И. Реализация крестьянской реформы в Грузии. Тбилиси, 1976.
19. Филиппов Р. В. Реформа 1861 г. в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1961.
20. Фишман И. И., Архипов В. А. Отмена крепостного права на Брянщине. Брянск, 1961.
21. Фридман М. Б. Отмена крепостного права в Белоруссии. Минск, 1958.

В оформлении обложки использована картина А. Кившенко «Освобожденные крестьяне подносят адрес и хлеб-соль Царю-Освободителю. 1861» (1880), а также гравюра Дальстена «Русский крестьянин в XVIII столетии» (XVIII в.).

Фотографии участников семинара и радиосериала для настоящего издания выполнены . Е. В. Луняевым.